

The background of the entire page is a photograph of a mountain village. In the foreground, there is a grassy field with yellow wildflowers and a dirt path. In the middle ground, several wooden houses with dark roofs are scattered across a green valley. A small lake is visible in the background, surrounded by dense evergreen forests. The sky is filled with large, white and grey clouds.

НАДЕЖДА ГОЛУБЕНКОВА

НОВЫЕ ДВОРЯНЕ

Надежда Голубенкова

**Новые дворяне.
Роман в двух частях**

«Издательские решения»

Голубенкова Н.

Новые дворяне. Роман в двух частях / Н. Голубенкова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744243-9

После революции 1917 года Белая Армия не приняла указа СССР о ликвидации сословий. Оставшись верными государю, выжившие дворяне создали Совет, тайно влияющий на политику государства и лелеющий мысль о возвращении царя на престол. С распадом СССР в Москве открывается лицей для потомков дворян, на чьём роде нет крови последнего императора. В 2011 году баронесса Златова, чья семья отслеживала потомков ссыльных дворян, открывает академию в своих владениях, куда и попадают главные герои...

ISBN 978-5-44-744243-9

© Голубенкова Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Академия Златовых	6
Пролог	6
Глава 1. Развод	8
Глава 2. Куда пойти учиться?	11
Глава 3. Приглашение	13
Глава 4. Потерянный род	16
Глава 5. Через горные перевалы	20
Глава 6. Первое знакомство	24
Глава 7. Назад к истокам	28
Глава 8. Конюшня	32
Глава 9. Окунуться в историю	36
Глава 10. Уроки хороших манер	39
Глава 11. Наставник	43
Глава 12. Первые трудности	47
Глава 13. Ночные посиделки	50
Глава 14. Листопад	54
Глава 15. Непростой разговор	59
Глава 16. Первый снег	64
Глава 17. Девочка-ангел	68
Глава 18. Призраки прошлого	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Новые дворяне
Роман в двух частях
Надежда Голубенкова

© Надежда Голубенкова, 2017

ISBN 978-5-4474-4243-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Академия Златовых

Пролог

Род Князевых имел в России тысячелетнюю историю, о чём свидетельствовали артефакты рода – старинный перстень с гербом и небольшой, но всё ещё острый, кинжал, принадлежавший основателю рода. И сейчас, в данную минуту, действующий глава рода держал в руке эти артефакты, размышляя, как бы выгоднее их продать. Семейные предприятия в последнее время несли одни убытки, их графский титул давно ничего не значил. И всё же грустно было расставаться с иллюзией превосходства над другими людьми, с подтверждением кровного родства с некогда знаменитым и влиятельным родом.

– Беспольные железки, – каждый раз говорила бабушка, когда смотрела на эти воистину бесценные вещи.

На самом деле он никогда и не должен был быть Князевым. Последним представителем этого рода по мужской линии был его прадед Валентин, который и передал драгоценности и реликвии рода своей единственной дочери, его бабушке Марфе, когда в их дом нагрянули большевики. Прапрадеда расстреляли, его жена и дочь спрятались у соседей.

Бабушка выросла, вышла замуж. А потом началась война... В первый же год их жизни её мужа призвали на фронт и тот погиб, так и не узнав, что у него родился сын Григорий. Бабка, узнав, что осталась вдовой, решила дать сыну свою девичью фамилию. Так в мир вернулся род Князевых.

Да, много воспоминаний хранят эти вещи. Впервые историю их семьи ему рассказал отец... когда был ещё жив.

– Пап, ты не забыл, что завтра общешкольное родительское собрание?

В комнату вошёл мальчик лет двенадцати.

– Напомни матери, – всё ещё пребывая в воспоминаниях, отмахнулся мужчина.

– Она занята. Или ты не помнишь, что мама записана в салон красоты?

– Ну, значит, обойдутся ваши учителя без нас.

– Но Марья Ивановна сказала, что на собрании будут обсуждаться очень важные вопросы.

– Так можешь сходить сам. Потом нам с мамой расскажешь.

– Меня не пустят.

Мальчик в упор посмотрел на отца, ожидая ответа. Михаил Князев недовольно оторвался от созерцания старинных предметов и раздражённо посмотрел на сына.

– Передай Марье Ивановне, что я зайду после собрания. Скажем, в четверг или пятницу. А сейчас, будь добр, удались. У меня уйма дел.

Андрей покорно кивнул и хотел было выйти, но вдруг увидел в руках у отца кинжал.

– Что ты хочешь с ним сделать?

С минуту посомневавшись, мужчина всё-таки кивнул на диван. Дождавшись, пока сын сядет, Михаил тяжело вздохнул:

– Ты знаешь, что за последние три месяца мы не заработали ни копейки. Если и дальше пойдут так дела, придётся закрыть ресторан. Он не окупает себя.

– Но ты же не будешь продавать кинжал и кольцо? – нахмурился подросток. – Это единственные доказательства, что мы именно те Князевы.

– Боюсь, у меня нет особого выхода. Накоплений у нас не так уж и много. А тут ещё твоя гимназия, мамины салоны. Если не случится чуда...

– Отдай их мне. Ты сам говорил, что они передаются в нашей семье от отца к сыну, и ты подаришь мне их на совершеннолетие. Ты не можешь их продать.

– Ты ещё мал, чтобы понять.

– Понять что? Что ты хочешь продать единственные ценности, которые у нас остались?

– У твоей мамы полно драгоценностей.

– Отдай их мне, – повторил Андрей. – У тебя есть два магазина. Продай филиал или закрой его. Ты можешь отправить всё на склад и продать помещение. Мы проходили по экономике...

– Это лишь теория. Если конкуренты узнают, что я закрыл магазин, они нас задавят. Мы через полгода потеряем второй. Твой дед не для того продавал драгоценности семьи. Уверен, он бы одобрил моё решение.

– Но есть же ещё ресторан! Тем более у нас в школе говорят, что кризис не должен быть долгим. Нам нужно только подождать. Кризис закончится, и клиенты вернутся.

– А до тех пор как мы будем жить? – Михаил устало потёр глаза. – Права была твоя мама, когда просила подождать с покупкой ресторана.

Сын встал, не спеша подошёл и взял из его рук семейные реликвии. Михаил не возражал, и лишь проводил мальчика усталым взглядом. Впервые он так остро нуждался в собственном отце: тот всегда думал на несколько шагов вперёд и всегда знал, как поступить, какой бы безвыходной ситуация не казалась.

Глава 1. Развод

Иван сидел за последней партой и думал о том, что делать дальше. Павел Петрович рассказывал о решении систем неравенств, но мальчик был настолько погружен в себя, что абсолютно не замечал ничего вокруг.

Как можно сосредоточиться на учёбе, когда его привычная жизнь висит на волоске? Вчера, на его дне рождения, отец с матерью в очередной раз поругались, и какое-то внутреннее чувство подсказывало Ване, что на этот раз всё действительно серьёзно.

«Это из-за тебя!» – уходя, зло бросил отец.

Ваня всю ночь не спал, вспоминая проступки, которые только мог совершить за свою жизнь. Отец часто поднимал на него руку, хотя Ваня делал всё, чтобы ему угодить: всегда помогал матери по дому, хорошо учился, даже пробовал заниматься каратэ, зная, как любит отец смотреть по телевизору борьбу. Правда, через месяц его попросили уйти, так и не объяснив причины. И вот теперь он виноват ещё и в том, что родители решили развестись...

– Соколов!

Иван дёрнулся, непонимающе посмотрев на чересчур серьёзного на вид учителя. В классе раздались приглушённые смешки.

– Будь добр повторить, что я сказал.

Парень мельком посмотрел на доску, потом снова на мужчину. С трудом пришлось осознание, что он на уроке.

– Простите, задумался, – честно сказал Ваня, потупив взгляд.

– Разве сейчас может быть для вас что-то важнее математики?! Хочу напомнить, что в десятый класс принимают только по результатам государственных экзаменов.

– Я не пойду в десятый, – сам не осознавая зачем, ляпнул Иван.

Павел Петрович внимательно посмотрел на ученика:

– Твои родители знают об этом?

– Им всё равно.

– После уроков поднимись в учительскую.

Ваня просто кивнул, не желая встречаться взглядом с женщиной, который не раз пророчил ему поступление в любой вуз страны.

– Ваня, ты уверен в своём решении? – уже в третий или четвёртый раз спросила классная руководительница Галина Семёновна.

– Да, – безучастно повторил подросток.

– По мнению учителей, ты претендуешь на серебряную медаль. Если постараться, сможешь заработать и золотую.

– Мне не нужна медаль, Константин Сергеевич.

Директор нахмурился, поняв, что действительно теряет перспективного ученика, однако Павел Петрович успел остановить новый поток ненужных сейчас убеждений:

– Ваня, у тебя что-нибудь случилось? – негромко и как-то по-отечески мягко спросил мужчина.

Не осмеливаясь врать ему в лицо, парень отвернулся, помотав головой.

– Школа может помочь тебе, – правильно истолковав его поведение, продолжил учитель.

– Я просто не хочу больше учиться в школе, – тихо, но твёрдо, ответил мальчик.

Через час пытка закончилась, и его отпустили, в сотый раз посоветовав не спешить с принятием решений и всё взвесить на трезвую голову. У дверей его дожидалась Катя.

– Ты действительно решил бросить школу? – вопрос звучал больше как утверждение. – Это всё из-за родителей? Ваня, а помнишь, ты клялся, что мы вместе закончим школу и поступим в один институт?

– Мы были детьми.

– Это было тем летом!

– Прости, – только и смог ответить Ваня, глядя на хрупкую девушку с забавными косичками. В небесно-голубых глазах мелькнули печальные искорки:

– И куда ты поступишь? Мы будем видеться?

– Не знаю, – честно ответил юноша.

– Я так и думала. Ты уедешь, у тебя появятся новые друзья, ты забудешь меня, а я так и буду учиться, целыми днями сидеть в библиотеке, по выходным одна гулять в парке...

– Катя, я не забуду тебя...

– А ты сам в это веришь? Не волнуйся, я прощаю тебя.

Ваня с благодарностью улыбнулся. Почему-то вспомнилась их первая встреча.

«Ретроспектива.

Мама привела его 1 сентября в школу. Он удивлённо смотрел на других детей, не понимая, как те могут радоваться. Неужели они не осознают, что их сюда заточили на целых 10 лет! Да это целая жизнь!

Её он увидел сразу. Девочка с большими белыми бантами и каким-то взрослым скучающим взглядом. Как-то само собой получилось, что выходили из школы они вместе.

– Я Катя, – когда вышли за территорию, представилась одноклассница.

– Ваня.

– Как в сказке? Иванушка-дурачок?

– Сама такая, – буркнул он.

– Прости. А почему тебя так называли?

– Не знаю. Папа хотел.

– А у меня папы нет, – вздохнула новая подруга. – И мамы тоже.

– Это как? С кем тогда ты живёшь?

– С бабушкой.

Конец ретроспективы».

Уже потом Ваня узнал, что родители подруги погибли в авиакатастрофе: самолёт, на котором они летели, разбился. Никто не выжил.

Катя жила в соседнем дворе. Через неделю Ваня стал желанным гостем в доме её бабушки, а к концу сентября баба Марфа с Катей уже каждое утро ждали их с мамой во дворе по пути в школу...

Он старался не показывать, что в доме его бьют, но Катя как-то была в гостях, когда отец вернулся раньше с работы в дурном настроении. Тогда, желая защитить подругу, он велел ей спрятаться под кровать. С тех пор Катя хранила его тайну, а он больше ничего от неё не скрывал.

И вот теперь он хочет уйти из школы, и оставить её одну. За девять лет у них так и не появилось друзей. Они ещё в первом классе решили, что раз их отправили в эту детскую тюрьму, то они будут лучшими. Излюбленным местом стала библиотека. Одноклассники считали их странными.

– Эй, ты ещё здесь? – в шутку щёлкнула его по носу Катя, выводя из задумчивости.

– Да, прости.

– Ну вот, ты уже не со мной. Не забудь, тебе в любом случае сначала ГИА надо сдать.

– А ты думаешь, я не сдам?

– Ваня, да что с тобой?! – Катя не на шутку встревожилась подавленным состоянием друга.

Юноша с болью посмотрел ей в глаза, немного помедлил, и еле слышно ответил:

– Родители хотят подать на развод.

Катя закрыла рот руками, не зная, что сказать и как утешить парня. А тот так же тихо продолжил:

– Папка грозился отсудить квартиру. Он хочет оставить нас ни с чем. Летом я найду работу, поступлю на заочное в техникум...

– Ваня, не переживай, всё обойдётся. Он не сможет вас выгнать, ведь это квартира твоей мамы. Подумай, что теперь вы сможете жить нормально.

– Мама любит его... Она всю ночь сегодня плакала. Думала, я сплю...

– Всё устроится, вот увидишь.

– Спасибо.

Иван благодарно сжал ладонь подруги. Ему всегда становилось легче, когда он делился своими проблемами с Катей. Посмотрев в окно, он понял, что не хочет сейчас возвращаться домой. Было начало апреля. Снег уже почти стаял, но кое-где в тени ещё лежали серые от копоти и грязи сугробы. По-весеннему тёплое солнышко грело землю и разгоняло тучи в душе.

– Зайдёшь к нам? – как всегда правильно истолковав его состояние, предложила Катя.

Кивнув, Ваня взял её сумку, перекинул через плечо свою, и они молча пошли к раздевалке.

Отец и правда подал на развод и раздел имущества. В конце апреля должен был состояться суд. Ваня чем мог старался утешить убитую горем мать. Он даже пролистал семейный кодекс и выяснил, что отец действительно не имеет права на их квартиру, доставшуюся матери от бабушки по завещанию.

Глава 2. Куда пойти учиться?

– Вам опять, сударь, не спится?

Юный граф подавил вздох разочарования, отвлекаясь от философских мыслей.

– Это ты, Сиверс? Решил устроить за мною слежку?

– Бог с вами, барин. Просто я заметил, что вы не высыпаетесь в последнее время, – развёл руками старик, с беспокойством смотря на юношу.

Николай несколько минут созерцал своего наставника, прежде чем решил, что большой беды не будет, если он поделится своими мыслями со стариком. В конце концов, Сиверс – не отец и не будет отчитывать за беспольные мечтания.

– Как думаешь, мы когда-нибудь сможем долететь до звёзд? Дотронуться до них? Только подумай, Сиверс, как было бы замечательно подружиться с ребятами, живущими там! Может для них наше Солнце – это вот такая же маленькая яркая точка. Может, там тоже есть замок, и сейчас там, у окна, далеко-далеко, в своей комнате стоит похожий на меня дворянин и смотрит на звёзды. Возможно, мы даже смотрим друг на друга, просто не знаем этого...

Он говорил, и воображение живо рисовало на небе замок, как две капли воды похожий на тот, в котором находился он сам. Ему даже показалось, что он видит в одном из окон своего двойника. Но мираж быстро рассеялся, когда он услышал недовольный голос отца:

– Сиверс, я говорил вам, что мой сын не должен слушать сказки. Мой наследник не должен верить во всякую чушь.

– Но, отец...

– Ваше сиятельство...

– Никола, мы живём в реальном мире, пора бы уже тебе повзрослеть, – не обратив внимания на старика, продолжил граф. – Когда же ты, наконец, поймёшь, что чудес не бывает?

– Ты не прав, отец. Ты просто не хочешь их видеть.

– Разговор окончен. Ложись спать. Надеюсь, ты не забыл, что нас к обеду ожидает баронесса Златова. Я надеюсь, твои манеры произведут на неё должное впечатление.

– Конечно, отец. Разреши удалиться?

Дождавшись еле заметного кивка, Николай кивнул в ответ, после чего отправился в свою комнату. Он был полностью уверен, что ему не придётся учиться в академии, открытой несколько лет назад баронессой. Уже месяц, как он отправил запрос в Москву и теперь только ждал положительного ответа, чтобы уехать в столицу.

Николай с отцом действительно жили в настоящем замке, спрятанном в горах, вдали от посторонних глаз. Именно это защитило их семью от того разгрома, что устроили в стране большевики. Их семья и о перевороте-то узнала только через полгода после расстрела царской семьи. Это было настоящим потрясением для тогдашнего главы рода.

Николай редко покидал пределы семейных владений и ещё ни разу не бывал в городе. Его образование было весьма специфично: наряду с основными предметами, изучаемыми в обычной школе, наставник обучал его латыни, астрономии, фехтованию и этикету. Юноша не знал ни о новых экзаменах, ни о последних достижениях науки и техники. В замке не было ни телевизора, ни компьютера, ни даже электричества. Вместо этого были старинные канделябры, масляные лампы и свечи. Отопление было печным: в каждой комнате были устроены камины, а на кухне стояла огромная русская печь.

Больше всего Никола любил стоять на балконе, озирая властным взглядом имение. Эти поля, леса, реки и горы... Здесь он знал всё: и замок с его многочисленными тайными ходами, и двор с беседками и прудом, и всё их имение, которое он с шести лет сам объезжал на лошади. Конечно, в подобных поездках с ним всегда был Сиверс, его наставник.

Отец нечасто бывал дома, со смерти матери, пять лет назад, с головою уйдя в семейный бизнес – сеть салонов по продаже и изготовлению эксклюзивных ювелирных изделий, раскинувшуюся по всей России. Николай привык оставаться в замке под присмотром наставника и бабушки Агафьи, нянчивший когда-то ещё его отца. Естественно, в замке и вне его были и другие слуги, но они никогда его особо не интересовали. Кто-то готовил, кто-то следил за порядком, кто-то ухаживал за лошадьми... В лицо молодой человек знал всю прислугу, но не сильно заострял внимания на их именах. В крайнем случае, он обращался к дворецкому, Порфирию, а уже тот отдавал распоряжения черни. Естественно, Никола мечтал увидеть «Большую землю», и те газеты, что привозил отец, никак не могли унять его любопытства.

– Ваше сиятельство, – отвлёк от раздумий молодого графа чей-то голос.

– Да, Сиверс, – почтительно поприветствовал Николай наставника.

– Доставили несколько минут назад. Я посчитал необходимым лично передать вам пакет, – протянул пожилой мужчина с тёмно-серыми глазами молодому человеку пухлый конверт с несколькими печатями.

– Наконец-то, я уже устал ждать, – взял юный граф официальный пакет.

Внутри, к вящему неудовольствию Николая, был отказ о зачислении в московский лицей для одарённых молодых людей в связи с отсутствием свободных мест на следующий учебный год. Вместо лицея ему предлагалось поступить в академию Златовых.

Гневно смяв бумаги, юноша уставился на горы. Туда, где почти за сотню километров от них находилась эта самая академия. Он так мечтал жить в городе, а ему предлагали остаться в заточении в этих горах! Конечно, можно было продолжить домашнее обучение, тем более его наставник сам просил отца об этом, однако отец был убеждён, что его наследнику просто необходимо познакомиться с внешней жизнью и новыми изобретениями. А, значит, его отправят в академию – это теперь единственный вариант.

– Я не поеду в Александровский лицей, – оповестил Николай своего наставника.

– Я сожалею, ваше сиятельство.

– Сиверс, пожалуйста, передайте моему отцу, когда он вернётся, что я согласен на академию.

– Вы уверены, сударь? Думаю, что если я ещё раз поговорю...

– Бесполезно. Отец прав: я не смогу вести дела, если буду изучать жизнь по газетам.

Глава 3. Приглашение

Не так много в нашей стране осталось представителей русской аристократии. Кто мог, уехали из страны после прихода к власти большевиков; многих казнили или отправили в ссылки, и лишь нескольким семьям, ушедшим когда-то от мира в леса и горы, удалось избежать того страха и разорения, что постигли остальных. Среди таких счастливиц оказались князь Андрей Вяземский, единственный сын которого восстановил после распада СССР Александровский лицей для выживших потомков российского дворянства; Владимир и Ксения Муравьевы – бабушка и дедушка юного Николая; и бароны Златовы, которые пытались отследить потомков отправленных в ссылку дворян.

Академия Златовых, как и московский лицей Вяземского, должна была сплотить и вывести в жизнь молодых представителей, казалось, потерянной уже русской аристократии. Родословная каждого кандидата многократно проверялась и перепроверялась. Сама школа была скрыта глубоко в горах и представляла надёжное укрытие в случае новых политических потрясений. Однако, в отличие от древних строений, в двухэтажном каменном здании были проведены и электричество, генерируемое нескольким ветряными мельницами, и отопление, система которого была спрятана в стенах и работала за счёт котельной. Баронесса лично контролировала строительство.

– Разрешите, ваша милость, – негромко постучавшись, в директорскую вошёл мужчина лет сорока в достаточно старомодной одежде.

– Пётр Анатольевич, кажется, я просила называть меня по имени и отчеству. Не забывайте, в каком времени мы живём, – нахмурилась пожилая дама, кутаясь в цветастый платок.

– О, это время! – со вселенской скорбью всплеснул руками преподаватель этикета, после чего уже деловым тоном продолжил, – Анна Константиновна, разрешите доложить. Прохор Степанович час назад уехал в город и увёз приглашения будущим первокурсникам. Опочивальни готовы, персонал и педагоги прибудут в полном составе 20-го числа.

– Замечательно. Надеюсь, мы учли всех.

Женщина невольно бросила взгляд на распечатанное письмо, пришедшее несколько дней назад. Письмо было от некоего юноши, который просил принять его в академию. Как он узнал адрес, оставалось загадкой. Подключив свои связи, баронесса выяснила, что юноша принадлежит достаточно обеспеченной семье и в этом году закончил девятый класс, сдав это пресловутое ГИА. Однако он был из простого народа и по определению не мог быть зачислен в академию. И, тем не менее, женщину заинтересовал этот прецедент, и она намеревалась лично встретиться на днях с этим молодым человеком.

– Эй, маменькин сыночек!

Группа новоиспечённых первокурсников индустриального техникума преградила дорогу среднего роста парню со светло-русыми волосами в старых джинсах и застиранной рубашке с пакетом в руках.

– Рома, дай пройти.

– Думаешь, стал крутым, раз поступил без взятки? Что, хочешь на заочном учиться? Считаешь себя самым умным?

– Я просто хочу получить нормальную специальность, а не работать всю жизнь грузчиком или дворником.

Ваня не знал, почему эти ребята так на него взъелись. Возможно, всё дело в том, что приёмная комиссия не ожидала прихода кандидата со столь высокими баллами, и эти парни вынуждены были ждать, пока его пытались отговорить. А, возможно, виной всему его бедный вид, однако у них на лице было написано, что они ищут повод для драки. Иван понимал, что

находится в проигрышном положении: ему даже некуда было отступать, а дома ждёт мать, которая в последнее время очень часто болеет и которой он нужен.

– Бейте его! – приказал своим друзьям новый однокурсник.

Иван, стараясь сохранить купленные в супермаркете продукты, попытался вырваться. Спина, руки, ноги – он чувствовал каждый удар, но ничем не мог на это ответить, любую его атаку тут же пресекали. Вот один из ударов попал в грудь. В глазах потемнело, он стал задыхаться. Пакет выпал из рук. Испугавшись, хулиганы испарились.

Ваня не знал, сколько прошло времени. Сердце бешено билось, он судорожно глотал воздух, в груди была резкая боль. «Неужели сломали ребро» – это было первой мыслью, как только вернулась способность соображать, и он понял, что обидчики убежали.

Однако его неприятности были сущей мелочью по сравнению с тем, что его ожидало дома. Он сразу заметил скорую у своего подъезда. Обуреваемый дурными предчувствиями, он бросился к машине, куда санитары уже вносили носилки.

– Мама, – побледнел парень. – Что с ней?!

– Вы её сын?

– Да.

– У вас есть другие родственники?

– Нет. Что с моей мамой?

– Вам есть 16?

– Да.

– Можете поехать с нами.

– ЧТО С НЕЙ?!!!

– Инфаркт, – коротко бросил врач, залезая в машину.

Позабыв о себе, Иван залез следом. Машина тронулась.

Эти несколько часов, что врачи боролись за жизнь его матери, были самыми страшными в его жизни. А приговор казался чем-то нереальным.

– Простите, но мы не смогли ничего сделать. Ваша мать умерла. Утром вы сможете забрать её тело.

Ваня не рухнул на пол только благодаря реакции врача. Боль, разрывающая изнутри, и пустота... это всё, что осталось от чувств.

Он не знал, что делал бы, если бы соседи и баба Марфа не помогли с похоронами. И вот он один в двухкомнатной хрущёвке без денег, без родных и без будущего. Он отлично понимал, что его поступления в колледж теперь не отменить и ему придётся ещё не раз сносить побои одноклассников. После избиения он думал, что сможет забрать документы и вернуться в школу, но не теперь.

Благо, из дома его пока выгнать не могут. После развода отец забрал всё, что только смог, даже украшения, подаренные им матери на свадьбу. От алиментов мать отказалась сама, хотя в деньгах они очень нуждались. Кроме того, мама, будто предчувствуя что-то, переоформила квартиру на него, хотя Ваня и пытался её отговорить, убеждая, что отец уже не сможет отсудить их жилплощадь. Сейчас баба Марфа хлопотала над тем, чтоб ему до совершеннолетия назначили пенсию по потере кормильца или какую-нибудь иную материальную помощь. К счастью, хоть в детский дом его не заберут.

И вот, когда он совсем было отчаялся в жизни, утром первого августа в почтовом ящике Ваня обнаружил письмо. Недоумённо повертев обычный конверт с незнакомым адресом, юноша вскрыл его и принялся читать:

«Уважаемый Иван Борисович! Вам выпала огромная честь и удивительная возможность продолжить учёбу в загородной закрытой академии. Данная привилегия оказана вам в связи с похвально высокими баллами, набранными вами на ГИА. Обучение условно бесплатное, тру-

доустройство гарантируем. Срок обучение – 3 года. На втором курсе вы сможете выбрать одно из трёх направлений:

Политика;

Юриспруденция;

Торговля.

Вам будет предоставлена комната в интернате. Все наши студенты обеспечиваются трёхразовым питанием и социальной стипендией в размере 1000 рублей ежемесячно. С вашей стороны нам потребуется пакет документов (паспорт, свидетельство о рождении, аттестат и 4 фотографии 3Х4), подписать договор о неразглашении и заполнить заявление на поступление.

После прохождения полного курса обучения вы получите: аттестат о среднем образовании, диплом о высшем образовании по выбранному вами направлению. При трудоустройстве первые 5 лет с вас в качестве компенсации за учёбу будут взиматься 10% от заработной платы. Если вы согласны с данными условиями, 31 августа в 15:00 будьте на автовокзале города М* на перроне с табличкой «Златово». С уважением, директор академии Златова Анна Константиновна»

Ваня несколько раз перечитал письмо, удивляясь, что его прислали именно ему. А знают ли они, насколько он беден? Или им действительно главное его оценки? Хотя возможность получить аттестат о среднем образовании и диплом всего за три года учёбы его привлекли. Правда 1000 рублей не покроют содержания квартиры, но, возможно, он сможет поговорить с директором или у них для отличников есть дополнительные стипендии. Терять было нечего, и Ваня решил попробовать. 31-го августа в 14:00 он с письмом, документами и вещами был на автовокзале города М*.

Глава 4. Потерянный род

Баронесса Златова вышла из автобуса, привёзшего её на автовокзал города К*. Она не часто выезжала в город, да ещё и на общественном транспорте: обычно любые вопросы с комитетом образования и принятием новых студентов решал её слуга и завхоз академии Прохор. Однако сегодня было важно приехать самой и самым обычным способом.

Взяв такси, женщина быстро добралась до нужного дома. Набрав на домофоне номер квартиры, она стала осматривать двор. Детская площадка сверкала новой краской, песочница полна ярко-жёлтого песка, по бетонной площадке катаются дети на роликовых конках.

– Кто? – послышался из домофона мужской голос.

– Директор академии, я вам вчера звонила, – баронесса подняла взгляд на видеокамеру.

– Проходите. Третий этаж.

– Благодарю.

Когда лифт довёз её до нужного этажа, дверь квартиры Князевых уже была открыта, и в дверях стоял хозяин дома. Поприветствовав женщину, Михаил пригласил её войти.

Всё в квартире говорило о достатке семьи: и шикарная белая кожаная мебель, и великолепный персидский ковёр, и электрокамин в гостиной, и жидкокристаллический телевизор в половину одной из стен. Даже деревянные резные окна вместо пластика, что так часто вставляют в последние годы. Да, несмотря на редкие визиты и этот изменившийся мир, баронесса отлично разбиралась в стоимости эксклюзивных вещей. На фоне всего этого шика она сама казалась бедной нищенкой.

Михаил учтиво предложил даме сесть. Честно говоря, он ожидал большего от директора академии, куда так хотел попасть его сын. Обычная бабушка с огромными очками, кутающаяся в старый платок, несмотря на летний зной. Однако, кто он такой, чтобы ценить людей по их внешности? Они сами несколько лет назад стояли на пороге разорения и полного банкротства. Слава Богу, кризис закончился раньше, чем исчерпались их скудные на тот момент резервы. Сейчас и магазины, и ресторан исправно приносили доход, и мужчина уже подумывал об открытии нового филиала.

– Чаю?

– Нет, благодарю. Если не возражаете, я бы хотела перейти сразу к делу. К сожалению, у меня не так уж много времени.

– Да, конечно, – Михаил сел на диван.

– Честно говоря, меня удивило, что ваш сын выбрал нас. Мы сделали запрос, и комитет образования предоставил нам результаты ГИА Андрея. К нам обычно приходят те, кто не справляется со школьной программой, а ваш мальчик вполне может продолжить обучение. Тем более ваша гимназия входит в тройку лучших по области.

– Простите, но нам действительно не стоило вас беспокоить. Мы вчера поговорили с Андреем, и он согласился со мной, что лучше будет, если он закончит гимназию. Вы же понимаете, молодые люди так стремятся к самостоятельности...

Раздался звук поворота ключа в замке, открылась и вновь закрылась входная дверь. А через несколько минут в дверях гостиной появился юноша лет шестнадцати. Спортивного телосложения довольно высокий брюнет с тёмно-синими глазами и аристократическими чертами лица. Одет он был неброско, но со вкусом: фирменные джинсы и дизайнерского покроя рубашка.

– Наверно, вы директор моей новой академии? – с порога начал парень, посмотрев на гостью.

– Андрей, мы как раз говорили, что у тебя будет больше перспектив, если ты останешься в гимназии.

– Так ты за этим услал меня в магазин? Ты же говорил, что Анна Константиновна придёт в шесть вечера.

– Ты что-то забыл? – пропустил мимо ушей упрёк мужчина.

– Да, телефон. Похоже, мне судьба учиться у вас, – и он сел в свободное кресло, всем видом говоря, что никуда не уйдёт.

Баронесса мысленно улыбнулась, поняв, что имеет хорошего союзника в лице отца юноши, который явно не желал отпускать безрассудного сына неизвестно куда. Однако, если не знать, что род прекратился, мальчик вполне мог бы сойти за наследника Валентина, чью фамилию по иронии судьбы он носит.

– Андрей, позвольте узнать, почему вы так хотите учиться в нашей академии и как вы узнали о ней? Должна признаться, меня удивило ваше письмо. Обычно к нам направляют учиться тех, кто либо не справляется с учёбой, либо ведёт асоциальный образ жизни. Наша программа отличается от школьной и вузовской, большое внимание уделяется трудовой терапии: наши студенты носят воду, колют дрова, помогают с посевом и уборкой урожая. У нас закрытая академия, она находится в горах через три горных перевала, почти в 150 км от ближайшего населённого пункта. Служебный транспорт ходит два раза в месяц. Наши воспитанники полностью отрезаны от внешнего мира и выезжают только два раза в год: на новогодние праздники и на летние каникулы.

Сказать, что Князевы были ошеломлены выданной им информацией, значит, ничего не сказать. Михаил дал себе слово, что ни за что на свете не отпустит сына в это ужасное место, сравнимое разве что с зоной. Да и то, наверное, заключённые живут в лучших условиях, чем студенты этого учреждения. Андрей во все глаза смотрел на будущего директора: он никак не ожидал, что ему предстоит жить в подобных условиях.

– Вы уверены, что хотите учиться у нас?

– Сожалею, но не думаю, что это для нас.

Андрей согласно кивнув, понуро созерцая свои колени. Ещё час назад перспектива учиться вдали от дома казалась радужной и такой близкой, а теперь он опять целиком и полностью зависит от отца, распланировавшего его «счастливую жизнь» от рождения до смерти.

– Вот и хорошо. Мне не хотелось бы губить будущее такого перспективного молодого человека.

– Я поеду, – сжав кулаки, неожиданно твёрдо произнёс юноша, подняв глаза.

– Андрей...

– Я сказал, что поеду, – ледяным тоном повторил мальчик. – Меня всё устраивает, Анна Константиновна. Какие мне нужны документы?

– Позвольте мне поговорить с вашим сыном наедине, – жестом остановила желающего возразить мужчину женщина.

Михаил, сам не зная почему, подчинился, кивнув на дверь комнаты. Андрей поднялся и проводил директрису в свою спальню. Баронесса несколько минут просто смотрела на юношу, размышляя, позволить ли ему учиться, нарушив основное правило академии? Свод правил она разрабатывала лично, стараясь оградить своих студентов от дурного влияния черни. В конце концов, сейчас действительно другое время, а этот молодой человек не только из влиятельной семьи, но и, похоже, получил достойное воспитание. Не многие студенты приезжают с таким уровнем культуры, несмотря на свою родовитость. Большинство и корней своих не помнят, хотя сама кровь зачастую защищает их от тлетворного влияния времени.

– У вас действительно ученики колют дрова? Я ни разу не держал в руках топор. Надеюсь, электричество есть?

– Временами, – уклончиво ответила женщина, всё ещё пребывая в задумчивости.

– А сотовая связь? – подозрительно уточнил Андрей.

– У нас есть таксофон для экстренной связи. Андрей, как вы узнали о нашей академии?

Юноша удивлённо посмотрел на директора:

– Через Интернет, конечно. Я искал, куда можно пойти после девятого класса.

– Значит, я должна благодарить Евгения Денисовича, – усмехнулась баронесса, но, заметив недоумённый взгляд подростка, снисходительно пояснила, – Это наш информатик.

– У вас есть Интернет?

– Когда бывает электричество, – кивнула Златова. Ей понравился живой ум и характер молодого человека, его целеустремлённость, граничащая с безрассудным упрямством.

– Так вы берёте меня?

Женщина устало вздохнула:

– Андрей, почему вы так хотите уехать из дома?

Подросток покраснел, опустив взор. Он не думал, что его желание так бросается в глаза. А баронесса по-матерински заботливо продолжила:

– Ты уверен, что готов три года жить в таких суровых условиях? У тебя замечательный отец и, я уверена, он поможет тебе устроиться в жизни. Ты сможешь выбрать любой вуз...

– Я не хочу, чтобы он решал за меня.

– Он любит тебя и желает тебе только лучшего. Если ты убедишь меня в обратном, я сегодня же зачислю тебя в академию.

Андрей посмотрел в удивительные золотисто-карие глаза старой женщины. Он не знал, что ответить. Да, родители любят его, отец делает всё для его счастья. Вот только он ни разу в жизни не спрашивал, как сам Андрей представляет себе это самое «счастье». Отец был уверен, что деньги – главное, что нужно его сыну: лучшая одежда, новейший накрученный телефон и ноутбук, престижная школа, московский университет, востребованная специальность, «удачная» женитьба... и так шаг за шагом распланирована вся его жизнь.

– Это нормально, что ты стараешься самостоятельно принимать важные решения. Зачастую родители пытаются прожить жизнь своих детей так, как им хотелось бы прожить свою жизнь. Но разве стоит перечёркивать своё будущее ради того, чтобы на два года раньше уйти из дома?

Насмотревшись фантастики, у Андрея возникло стойкое ощущение, что женщина умеет читать мысли.

– Вы правы, – сдался юноша. – Но я здесь не могу.

– Ты с отцом говорил об этом? Не сомневаюсь, он поймёт.

Он кивнул, понимая, что никогда и ни при каких обстоятельствах не поднимет данную тему в разговоре с отцом.

– Спасибо, что пришли. Извините, что я доставил вам столько хлопот.

– О, не волнуйся. Я была рада познакомиться с таким воспитанным молодым человеком.

– Я вас провожу.

Неожиданно, когда Андрей открывал перед женщиной входную дверь, директриса схватила его за руку.

– Откуда это у тебя? – почему-то дрожащим голосом спросила Анна Константиновна, сверля взглядом перстень, который он носил весь последний год на руке.

– Это семейная реликвия, от прадеда достался.

– Как его звали? Как звали?

– Валентин Князев, он передал его моей прабабушке Марфе, своей дочери. Его расстреляли, – Андрей испугался, что у женщины начинается приступ. Почему-то возникло ощущение, что она видела уже когда-то и хорошо знала этот перстень. Хотя не могла же она быть настолько старой?

Не может быть! Баронесса смотрела на юношу, как на восьмое чудо света. Отследить женскую линию рода было практически невозможно, а уж сохранение фамилии в женской линии – случай воистину уникальный. Такой наследник считался полноправным представителем рода

и к нему переходили все регалии, привилегии и титул в случае, если по какой-либо причине прерывалась мужская ветвь.

– Вы приняты в академию.

– Но...

– Вахтовка будет ждать вас на автовокзале города М* 31 августа в 15:00. Не забудьте паспорт и аттестат, и сделайте четыре фотографии, как на паспорт.

– Но вы же сами убеждали меня...

– Я ошибалась. Поверьте, Андрей, это место именно для вас. Вы сами убедитесь в этом, когда приедете.

И она ушла. Андрей ещё долго стоял в дверях, не понимая, что же только что произошло.

Глава 5. Через горные перевалы

Август пролетел незаметно. И вот 31-го числа в городе М* на автовокзале на перроне с табличкой «Златово» собралась группа молодых людей и девушек, ожидающих вахтовку, которая должна была отвезти их в академию.

Иван Соколов мялся в стороне, то и дело кидая взгляд на табличку, на которой чётко было указано, что перрон используется два раза в месяц: 14-го и 26-го числа. Сегодня было 31-е и это означало, что, логически, их либо жестоко разыграли, либо для них организовали специальный рейс. Напрягало, что в самом здании автовокзала никто из диспетчеров не знал, будет ли сегодня рейс на Златово.

К перрону подъехала чёрная иномарка с тонированными стёклами, и оттуда вышел статный шатен с надменным и воистину царственным видом. Оглядев всех и выкатив из салона чемодан, «царевич» направился прямо к нему.

– Привет, тебя тоже пригласили? – окинул его шатен оценивающим взглядом.

Ваня невольно поёжился, представляя, ка нищенски он смотрится в своей старой ветровке и джинсах с огромной клетчатой сумкой, что дала ему баба Марфа.

– Ты знаешь, что это за академия? На каком курсе учишься? – решил вопросами ответить юноша.

– Как и ты, на первом. Остальных привезут завтра. Меня отец тоже хотел завтра забросить, но я подумал, что прокатиться, как все, будет забавнее. Кстати, как тебя звать?

– Ваней, а тебя?

– Ты не понял. Фамилия у тебя какая?

– Соколов. А разве это важно?

– Ты хочешь сказать, что не знаешь, куда едешь?

– Мне пришло письмо. Там говорится, что меня приняли из-за высоких баллов, что я набрал по ГИА.

– По чему? – не понял собеседник.

– Государственная итоговая аттестация, – расшифровал Ваня, и на всякий случай пояснил, заметив в тёмно-карих глазах недоумение, – экзамен. Его сдают все после девятого класса. Разве у вас в школе этого нет?

– Меня обучали на дому. Так ты хочешь сказать, что думаешь, что это академия для отличников?

– Ну да. А что здесь смешного?

– Ничего, – и всё равно в его улыбке сквозило превосходство и снисходительность. – Не думал, что бабушка Златова настолько изобретательна. Интересно, а что она пишет в приглашении тем, у кого одни двойки?

Иван непонимающе захлопал глазами:

– Ты хочешь сказать, что меня пригласили не из-за оценок? А почему тогда именно меня? Колдовать я не умею, сверхспособностей тоже нет...

– Колдовать? О чём ты?

– Ну, Гарри Поттера пригласили, потому что он оказался волшебником.

– Прости, о чём ты? Какой волшебник? Их же не существует.

– Это они хотят, чтобы мы так думали, – заговорщески произнёс Иван, но потом вдруг стал серьёзным, – ты что, никогда не читал Поттера? И даже фильмов не видел?

– Нет, – честно ответил новый знакомый, про себя замечая, что бесконечно далёк от здешнего мира. Похоже, этот Гарри действительно знаменит, раз незнание его так шокирует Соколова.

– Если хочешь, я дам тебе первую часть почитать. Поверь, не пожалеешь – потрясающая сказка!

– Так это сказка?!

– Ну да, конечно. А ты правда решил, что я говорю о реальном человеке?

Однако ответить собеседник не успел. Подъехала ярко-оранжевая вахтовка. Когда она остановилась, в дверях салона появился мужчина лет сорока. Спустив лестницу, он сошёл на перрон:

– Добрый день. – Он быстро оглядел собравшихся, считая количество новых студентов. – Разрешите представиться, меня зовут Пётр Анатольевич, я заместитель директора по воспитательной работе и наставник юношей нашей академии, но об этом позже. Рад видеть, что вы все приняли наше приглашение. Будьте уверены, это самое правильное решение, которое вы только могли принять, в чём вы очень скоро убедитесь. Путь нам предстоит долгий – почти четыре часа. На перевалах будем делать остановки. А теперь, прошу на борт нашего самолёта. Не спешите – мест хватит на всех.

– Ну вот, пошли, – и новый знакомый первый двинулся к вахтовке, пристроившись в конец очереди. – Ах да, я ведь так и не представился – виконт Николай Муравьёв.

– ЧЕГО?!

– Ну, это если на британский манер, – развеселился «виконт». – А так просто Николай, единственный сын и наследник графа Муравьёва.

– Серьёзно?

– Шучу. Влезай, скоро сам всё узнаешь.

Уже находясь на верхней ступени, Иван увидел стремглав несущегося к вахтовке от только что приехавшего автобуса парня со спортивной сумкой.

– Поднимайся скорей, а то дотемна не доберёмся, – поторопил наставник.

– Но там...

Объяснить он не успел.

– Пожалуйста, подождите!!! – донёсся отчаянный крик опоздавшего.

Кивком показав, что расслышал, мужчина шире открыл дверь, чтобы водитель не тронулся. Через минуту запыхавшийся молодой человек поднялся в салон.

– Простите, я не сообразил заказать билеты заранее. Я уже думал, что не успею.

– К счастью, этого не случилось. Добро пожаловать в карету.

– Спасибо, – и он направился к задним сидениям, где уже с удобством разместились Соколов с Муравьёвым.

Наставник поднял лестницу и с силой захлопнул дверь.

– Привет, меня зовут Андрей, – представился опоздавший, схватившись за спинки кресел, когда вахта резко тронулась. – У вас свободно?

– Садись, – милостиво позволил шатен. – Я Николай.

– Иван, – представился блондин, подвигаясь к окну и уступая сидение в центре.

Как ни странно, вахтовка была полупустая. Наставник сидел на первом сидении, и вокруг него образовалась небольшая буферная зона. Первокурсники расселись по двое, в зависимости от того, кто с кем успел познакомиться на перроне. Как-то само собой получилось, что девушки выбрали места с одной стороны прохода, а юноши – с другой, ближе к двери. Вахтовка выехала за город и повезла их в сторону гор. Постепенно салон наполнился неразборчивым шумом голосов: кто-то рассказывал о себе, кто-то восхищался природой за окном, а кто-то строил предположения относительно загадочной академии, в которую их везли.

– Это все твои вещи? – скептически оглядел небольшую спортивную сумку Никола. – Ты в курсе, что до Нового года нас не выпустят? И магазинов там нет.

– У меня другой не было, – развёл руками Андрей. – Прости, как тебя зовут?

– Николай Муравьев, – с достоинством ответил шатен.

– Ага, он граф, – усмехнулся блондин.

– Ничего смешного. Это один из высших чинов.

– Уже кланяемся, – язвительно изобразил поклон Ваня. – Да брось ты, все графы давно вымерли. Ещё бы лордом представился.

– Чему вас только учат в этих школах? – закатил глаза Николай. – Лорды были в Англии. Даже Пётр I, вводя новые титулы графа, барона и герцога понимал, что лорды и рыцари не приживутся на Руси. Герцогов-то было раз, два и обчёлся. А вымерли мамонты и динозавры, а не графы.

– Откуда ты так много знаешь?

– Неужели у вас не преподавали историю?!

– Вели, но не настолько подробно, – Андрей с живым интересом смотрел на нового знакомого. – Так, значит, Пётр I пожаловал тебе титул? А кем вы были до графов?

– Если перевести на ваш примитивный язык, то чиновниками. Или вы в курсе, кто такие помещики и дворяне?

– Значит, ты помещик?

– Если быть точным, мы из столбового дворянства, притом очень влиятельные и состоящие на особой службе у царя, иначе бы нам не пожаловали сей титул. Это большая честь.

– Из какого вы дворянства?

– Столбового, – гордо повторил Николай. – Наш род очень древний, мы из потомков боярских родов.

– Боярин нашёлся. Да даже если это и правда, всё равно в наше время никого это больше не интересует. И вообще, в советское время были упразднены все титулы, – проворчал Андрей, инстинктивно погладив столь дорогое кольцо на руке.

– Ошибаешься, – беззаботно возразил юный граф.

Вахтовку ужасно трясло, поэтому, когда через полтора часа пути она остановилась на небольшой площадке в высшей точке первого перевала, все с облегчением вышли подышать свежим горным воздухом. У некоторых был странный зеленоватый цвет лица.

– Девушки направо, юноши налево, – бодро спустился за всеми Пётр Анатольевич. Казалось, мужчину дорога только радует, и он даже не заметил, что они ехали, как по тёрке.

Ваня в восхищении подошёл к краю площадки. Кругом были одни горы, покрытые бесконечными хвойными лесами. Он обернулся и посмотрел вверх. Наверное, они находились только на середине горы, а вид вниз – аж дух захватывает! Такую тайгу он видел впервые.

– Это ещё что! Вот следующий перевал будет самый высокий – там даже облака ниже гор бывают, – подойдя, со знанием дела сказал Николка.

– А ты там уже был?

– Златовы – друзья нашей семьи. Отец надеется, что когда-нибудь наш род породнится с ними.

– Мы едем к ним домой? – не понял Андрей, остановившийся в шаге от них.

– О чём ты? Конечно, нет. Их имение дальше. Просто мы с отцом были летом в академии по приглашению баронессы.

– Баронессы?

– Златовой. Она хотела познакомиться со мной. Последний раз она была у нас в гостях, когда мне было лет десять. Я тогда был ещё ребёнком.

– А сейчас, по-видимому, уже старик? – поддел Князев.

Ответить Николай не успел: наставник позвал всех обратно в машину.

Второй перевал действительно был выше. Они оказались в довольно плотном тумане, у многих заложило уши. Как пояснил их сопровождающий, они находились в высочайшей точке пути – почти три километра над уровнем моря. Горы внизу покрывала голубая дымка.

– Я же говорил, мы в облаке, – задумчиво произнёс Николай, с любопытством наблюдая за своей рукой, которая быстро покрылась мельчайшими капельками росы.

Здесь они стояли недолго. Не желая мокнуть в облаке, молодые люди быстро вернулись в вахтовку. В шесть часов вечера они поднялись на последний перевал. Хотя солнце ещё было высоко, однако облака уже начали окрашиваться в розовые и оранжевые цвета. Девушки, сбившись в кучку, ахали, восхищаясь чудесным пейзажем.

– Прошу на борт, – через пятнадцать минут напомнил о себе Пётр Анатольевич. – Солнце зайдёт через полтора часа, а до академии нам осталось всего сорок минут. Не знаю, как вы, но я предпочёл бы горячий ужин, который подадут ровно в семь. Боюсь, мы рискуем на него опоздать.

С сожалением оторвавшись от заката, все вернулись в вахтовку. Спустившись с перевала, они ещё минут двадцать ехали вдоль реки, несколько раз пересекая её. Но вот дорога ещё раз резко повернула, и вахтовка выехала на пологое место.

Все прильнули к окну, пытаясь лучше разглядеть строение, к которому они направлялись. Каменное величественное двухэтажное здание академии как крепость возвышалась над маленькими деревенскими домиками, расположенными по склону холма чуть ниже. Все дома были новыми, как будто деревушка появилась совсем недавно. Но кто мог выбрать столь отдалённое от цивилизации место? На вершине холма виднелись две деревянные ветряные мельницы.

– Добро пожаловать в академию, – когда вахтовка остановилась, с пафосом произнёс заместитель директора.

Глава 6. Первое знакомство

Пётр Анатольевич проводил уставших с дороги первокурсников в столовую. Там их уже ждали. Столовая представляла собой прямоугольную комнату с шестью круглыми столами и одним большим прямоугольным столом для преподавателей. Преподавательский стол был покрыт ажурной белой скатертью, три стола у окна были с песочно-золотыми скатертями, остальные три, что находились ближе к стене, покрывали синие скатерти с серебристой вышивкой. Вокруг каждого стола стояло по пять мягких стульев. На двух самых дальних от преподавательского столах был накрыт ужин.

За самым преподавательским столом сидели две женщины. Первая, сидевшая в центре, была довольно почтенного возраста в старинном платье, её плечи покрывал цветастый платок. Вторая сидела по левую руку от первой, со стороны жёлтых столов. Она была полновата, с круглым лицом и светлыми золотистыми волосами. Одетая она была в сарафан голубого цвета, синие ленты в волосах, заплетённых в косу, делали её похожей на героиню русской народной сказки.

– Снегурочка, – полушёпотом произнесла одна из девушек.

Заместитель директора выстроил их перед преподавательским столом и чуть поклонился старшей женщине. Осмотрев прибывших, директор встала:

– Рада видеть, что все приглашённые прибыли.

На секунду её взгляд задержался на опоздавшем на вахтовку молодом человеке. Андрей покраснел, опустив взгляд. В голове никак не укладывалось, что та старушка, что приходила к ним в гости, и эта представительная дама – один и тот же человек.

– Меня зовут Анна Константиновна. После ужина я расскажу, почему пригласила именно вас. А теперь можете занять свои места. Эти столы будут вашими до конца учёбы. Юноши, ваше место справа от прохода; девушки, ваш стол у окна. Приятного аппетита.

– Спасибо, – вразнобой ответили несколько человек.

Баронесса села, казалось, забыв о первокурсниках. Пётр Анатольевич, ещё раз кивнув женщине, прошёл на своё место справа от неё. Молодые люди, немного помявшись, разошлись по своим столам.

– Привет. Я Данил, – представился темноволосый худощавый парень с почти чёрными глазами.

– Игнат, – представился его друг, приземистый полный курносый блондин.

– Николай, Иван, Андрей, – представил их всех Муравьёв.

Они расселись вокруг стола. На ужин была толчёная картошка с котлетами и чай. После пятичасовой дороги эта еда показалась воистину королевской. Молодые люди быстро расправились со своими порциями и потом минут двадцать ждали, пока, наконец, доедут никуда не спешившие девушки. За это время троица узнала, что Игнат занимался вольной борьбой и был уверен, что это элитная спортивная школа, куда его пригласили благодаря последней победе на соревнованиях. Данил учился в математической школе, увлекался компьютерами и шахматами и думал, что приехал в секретный правительственный институт для вундеркиндов. Он даже вполне логично обосновал сделанные выводы, цитирую строки из письма, что ему прислали.

– А тебя не смутило, что выбрали именно тебя? Или ты самый умный в школе? – изучающе посмотрел на «вундеркинда» Никола.

– Нет. Но я подумал, что имею неплохие шансы стать тайным учёным. Я даже как-то взломал одну программу. Тем более у меня безупречная биография: отец занимается селекцией растений, а мама работает в детском доме.

– Небось, и сам из детского дома? – не сдержался Андрей.

Данил покраснел до корней волос. Николай нахмурился:

– Ты в курсе, что если окажется, что ты не тот, кем тебя считают, тебя в два счёта отсюда выгонят?

– Дураки вы оба. Я Волков, ясно?

– Ну прости, мы не хотели тебя обидеть. Просто здесь с этим серьёзно, – без тени смущения извинился Муравьёв.

Наконец, девушки и преподаватели закончили трапезу, и Анна Константиновна позволила в хрустальный небольшой колокольчик. Из боковой двери, ведущей на кухню, вышли несколько слуг и в мгновение ока убрали со столов грязную посуду. Дождавшись, пока они уйдут, женщина встала.

– Надеюсь, вы все насытились. А теперь я хотела бы представить вас так, как вас будут называть ближайшие три года. Попрошу встать тех, кого я называю. Граф Николай Муравьёв.

Юноша встал, отвесив баронессе учтивый поклон.

– Благодарю, но это было не обязательно, – кивнула ему дама, позволяя сесть. – Граф Андрей Князев.

Андрей встал, ловя на себе любопытные взгляды, в том числе и от нового друга. Когда он вернулся на место, Николай наклонился к нему, еле слышно прошептав:

– Почему ты не сказал, что ты Князев?

– А разве это важно?

– Ладно, поговорим потом.

В это время поднялся Иван, слегка шокированный титулом, с которым представила его баронесса. Это какая-то ошибка. Не мог он быть тоже графом!

– Помещик Даниил Волков, – продолжала тем временем женщина. – Купец Игнат Ветров.

Настала очередь девушек. Те что-то полушёпотом обсуждали, изредка косясь на сильную половину курса.

– Баронесса Ангелина Златова.

Все юноши, кроме Николая, открыв рот, смотрели на внучку директрисы. Это надо же – она ехала с ними, как обычная студентка, без каких либо привилегий. Хрупкая девушка с распущенными серебристо-белыми волосами до пояса встала и отвесила реверанс. В отличие от остальных представительниц слабого пола их курса, она была в платье. Садясь, девушка бросила лукавый взгляд на единственного не интересовавшегося ею юношу.

– Эй, ты чего? – шёпотом спросил у насупившегося друга Андрей.

– Я же сказал, у них против меня заговор. У барона Златова три дочери, Ангелия – средняя, и им дают прекрасное домашнее образование. Похоже, не только отец жаждет этой помолвки.

– Неужели она тебе не нравится? Она же... очаровательна! – не поверил приятель.

В глазах Муравьёва появились лукавые искорки и он, наклонившись к самому уху нового друга, на грани слышимости произнёс:

– Мне нравится их третья дочка, но это отцу знать пока рано.

– Она ещё красивее? – удивился Князев.

– Для меня – да, – самодовольно улыбнулся Николка.

Пока они разговаривали, баронесса представила оставшихся трёх девушек: баронессу Фаину Кноп – пухленькую невысокую шатенку; и помещиц Светлану Окуневу и Дарью Боброву. Света была достаточно высокого роста с тёмно-русыми волосами, собранными в хвост, одетая по последней городской моде. Даша на вид казалась совсем неприметной серенькой мышкой – самая обычная отличница или хорошистка, не ведающая о существовании косметики. На ней были серо-синие джинсы и чёрная водолазка, рыжевато-каштановые волосы едва доставали до плеч.

– В ближайшие несколько недель на уроках истории я расскажу каждому из вас историю рода, наследниками которого вы являетесь. Поверьте, у нас достаточно доказательств, чтобы считать именно вас потомками названных мною родов. У вас, за некоторым исключением, больше не будет тех предметов, к которым вы привыкли, учась в школах. Здесь вас научат быть, прежде всего, достойными представителями своих родов. Однако не волнуйтесь, в конце обучения вы получите самый обыкновенный аттестат со всеми предметами, что изучали до этого. Оценки будут выставлены исходя из ваших успехов здесь.

– А если мы захотим куда-нибудь поступить в дальнейшем? Как мы будем сдавать ЕГЭ? – подняв руку, громко спросил Данил.

– Мы выдадим вам сертификаты ЕГЭ по тем предметам, по которым вам будет необходимо. Всё официально, так что проблем не возникнет. А в вузе уже не будет играть никакой роли, что вы проходили у нас – на любые специальности достаточно знание материала девяти классов, поэтому мы и приглашаем только прошедших основную ступень обучения в школе или дома, – объяснила баронесса, ничуть не рассердившись, что её перебили. – К слову, на втором курсе вам предстоит выбрать направление, по которому вы получите диплом. По каждому направлению у нас свой куратор, он и будет заниматься с вами. К концу обучения вы действительно будите владеть выбранной специальностью. А теперь, насколько я понимаю, Пётр Анатольевич уже представился?

Директриса обернулась на мужчину, тот с достоинством кивнул.

– Тогда мне остаётся представить мою заместительницу по учебной части, наставницу юных дам и преподавательницу этикета Анастасию Дмитриевну.

«Снегурочка» удивительно легко поднялась и чуть заметно кивнула, безоблачно улыбувшись.

– Всем добрых снов. Ваши наставники проводят вас в ваши опочивальни.

– Так ведь Пётр Анатольевич ведёт этикет, – недоумённо посмотрел Ваня на наставницу девочек.

– Она будет вести у них, а он – у нас, – пояснил Николай. – Если не ошибаюсь, мы только на третьем курсе будем заниматься вместе.

– Вы совершенно правы, сударь, – произнёс неожиданно появившийся рядом наставник. – Прошу за мной.

Мужчина первым направился к двери. Но когда они подошли, с ними поравнялась женская подгруппа. Сделав галантный жест, Пётр Анатольевич пропустил вперёд всех представительниц прекрасного пола, которые стайкой устремились к левой от двери лестнице на второй этаж.

– Южное крыло отведено девушкам, – остановил было следовавших за ними парней мужчина. – Вам предстоит жить и учиться в северном крыле. Завтра я ознакомлю вас с дисциплинами, которые вам предстоит изучать, и покажу расположение классных комнат, которые находятся на первом этаже. А теперь все вместе проследуем на второй этаж.

– Значит, мы совсем не будем общаться с девчонками? – расстроено оторвался Игнат от созерцания южной лестницы.

– Ну почему же? У нас только приветствуется завязывание дружеских отношений. Но для этого вам сначала необходимо научиться вести себя достойно, – остудил их пыл наставник. – А пока вы будете встречаться лишь на уроках Анны Константиновны и в трапезной.

Они поднялись на второй этаж. Мужчина продолжал знакомить их с порядками, установленными в академии.

– Для студентов отведено шесть комнат – по две на курс. В этой, – указал он на дверь напротив лестницы, – Вы всегда сможете найти меня, если я не на уроках. Обращаться ко мне вы можете когда угодно и по любому вопросу. Эта дверь, – повернулся он в сторону южного

крыла, коридор в которое преграждала стена с единственной дверью, – приведёт вас в кабинет истории. Он проходной, но я не советую вам пользоваться им, чтобы нарушить запрет.

Дальше они пошли вглубь северного крыла. Первая дверь слева от лестницы оказалась обычным чуланом с тряпками, вёдрами, вениками и швабрами. Дальше комнаты располагались парами, напротив друг друга. Как выяснилось, первая пара жилых комнат принадлежала третьему курсу, среднюю занял второй, а им достались крайние комнаты. Последняя дверь прямо по коридору скрывала за собой санузел с душевыми и туалетными кабинами, да раковинами, над которыми висело большое прямоугольное зеркало. Под потолком было два небольших окна, покрашенных в синий цвет.

– К сожалению, о ванне придётся забыть до возвращения домой, – закончив экскурсию, вывел опять всех в коридор мужчина. – Так как вас пятеро, троим придётся поселиться в восточной комнате, а двоим – в западной. В шкафах вы найдёте удобные халаты и чистые полотенца. Завтра подберём для вас нормальную одежду. Мне помочь вам с распределением?

– Спасибо, не надо, – ответил за всех Николай, открывая дверь восточной комнаты.

Глава 7. Назад к истокам

Спали юные графы, как убитые. Горный воздух и долгая дорога сделали своё дело. Стук в дверь был полной неожиданностью.

– Не открывайте, это так будят – вы привыкнете, – потянулся Николай, посмотрев в окно на вставшее из-за гор солнце.

Андрей, чья кровать находилась ближе всего к двери, плюхнулся обратно на подушку, накрываясь одеялом и повернувшись к стене, чтобы солнце не мешало спать.

– У нас минут двадцать до завтрака. Опоздаете – останетесь без еды, – бодро оповестил Муравьёв, открыв чемодан и достав брюки с рубашкой.

– И почему нам не поставили кровати в западной спальне – любовались бы закатом, – недовольно посмотрев на утреннее солнце за окном, проворчал Князев.

– Можно подумать, тебя сегодня оно разбудило, – усмехнулся Николай, подойдя к шкафу и беря своё полотенце.

– Эй, Ваня, подъём! – демонстративно пропустил мимо ушей замечание брюнет.

Однако Соколов как спал, так и продолжал беззаботно пребывать в объятиях Морфея, несмотря на солнце, лучи которого уже достигли его лица, и громкие разговоры в комнате.

– Здесь местность высокогорная и воздух разряжен. Через несколько дней адаптируется, – со знанием дела сказал Никола, приблизившись к кровати однокурсника и слегка его потормошив. – Граф Иоанн, извольте вставать, яства подадут с минуты на минуту.

Ваня ошарашенно вскочил, во все глаза взирая на нового друга.

– Чего?

– Так всегда будет меня Сиверс, мой наставник, если я не хочу вставать, – усмехнулся Муравьёв. – Одевайся, иначе на завтрак опоздаем.

– Ну и что? Сегодня воскресенье, – нехотя потянувшись за футболкой, ответил Ваня. Он впервые в жизни так сладко спал.

– Наши порции отдадут слугам, – пожал плечами друг.

– Ты хотел сказать, рабочим, – исправил Князев.

– Нет, Андрюша, именно слугам, – как маленькому пояснил Никола.

– И много их здесь?

– С десятков, не больше, – безразлично бросил Муравьёв, как само собой разумеющееся.

– Ладно, поверим тебе. А где здесь розетки? – первым входя в ванную и держа в руках электробритву, огляделся Андрей.

– Зачем? – удивился Николка. – Разве лампочки недостаточно? У нас в замке вообще электричества нет.

Брюнет так и застыл с прибором в руках, не веря своим ушам. Разве это ещё возможно – в 21-то веке! Почему-то ситуация развеселила Ивана. Вернувшись в комнату, он через минуту принёс однокурснику упаковку обычных одноразовых станков:

– Держи, мне они пока ни к чему, я на всякий случай купил.

– А ты отрасти бородку, в царское время это было в порядке вещей – наглядное свидетельство того, что ты уже мужчина и пора бы подумать о женитьбе, – посоветовал Николай.

– Скажешь тоже, – забирая станки, проворчал Князев. – Небось, сам бреешься топором?

– У меня пока с этим тоже не сложилось. Отец говорил, что начал бриться в девятнадцать, тогда же его впервые посватали моей матери. Так что ты у нас первый.

Каким-то чудом они умудрились привести себя в порядок до того, как за ними лично явился наставник. Организованной группой, к которой присоединились сонные Данил и Игнат, они спустились в столовую. Девушки со своей наставницей уже были здесь. Когда пришедшие расселись, баронесса дала слугам сигнал своим колокольчиком накрывать столы. Поварихи

обслужили все три стола в считанные минуты. Подали обычную перловку, какао и на десерт яблоко.

После завтрака их ждала экскурсия по первому этажу их крыла. Слева от парадной двери располагалась раздевалка, за ней, напротив лестницы, оказалась оружейная. Открыв ключом дверь, наставник позволил им увидеть лежащие на полках и висящие на стене в ножнах мечи и кинжалы. Далее шёл довольно большой зал примерно в две их комнаты.

– Здесь у вас будет проходить фехтование, – пояснил наставник, прикрывая дверь зала.

Напротив оказался кабинет самого Петра Анатольевича, где им предстояло постигать премудрости этикета. Дальше по коридору была библиотека размером с тренировочный зал, а напротив неё располагался кабинет информатики. За последней дверью по коридору, аккуратно под ванной второго этажа, обнаружился склад.

– Вот, Прохор Степанович, познакомьтесь с новыми студентами, – добродушно поприветствовал завхоза академии мужчина.

Бойкий старичок, одетый в потёртые штаны и латаную, препоясанную выцветшим некогда красным поясом, рубаху в лаптях, причитая, стал копаться в многочисленных полках, возвышающихся до потолка. Юноши настороженно следили за его манипуляциями. Один Николай оставался совершенно спокоен: он уже видел Прохора, когда тот собирался отбыть по поручениям баронессы в город, и знал, насколько разительно меняется при этом его облик. А вот однокурсники, похоже, решили, что имеют дело с древним, потерявшимся во времени, старичком, который сейчас выдаст им в качестве школьной формы такие же шаровары, рубахи да лапти. И подозрения его товарищей усилились, когда старикашка продемонстрировал им богато расшитые кафтаны.

– Нам что, придётся ходить в ЭТОМ? – не сдержался Игнат, с опасением косясь на странное одеяние.

– Не волнуйтесь, вам они от силы понадобятся раз пять за учёбу, – успокоил их Пётр Анатольевич.

– Зачем? – на всякий случай уточнил Андрей.

– В Рождество и по окончании учебного года мы проводим балы. Танцам вас также буду учить я после новогодних каникул.

Кроме кафтанов с поясами и красных сапог, которые они видели разве что на старинных картинах, им всем по размеру подобрали костюмы для верховой езды и фехтования. Кроме этого в качестве школьной формы выдали фраки из тёмно-синего бархата, чёрные брюки и лакированные чёрные туфли.

– И всё-таки мы оказались в 17 веке, – забирая свою стопку одежды и новую обувь, прокомментировал Данил.

– Ошибаетесь, юноша, – спокойно возразил наставник. – Фрак до сих пор одевают на официальные мероприятия. И он предпочтительней пиджаков или смокингов. Кроме того, фрак подчёркивает малейшие изъяны в осанке, и вам ещё предстоит научиться его носить.

– И зачем мы вообще брали из дома одежду?

Несмотря на то, что вопрос Игната был чисто риторическим, Пётр Анатольевич вполне серьёзно на него ответил:

– Занятия у вас будут проводиться пять дней в неделю. На верховую езду и фехтование вы обязаны являться в своих костюмах, парадный костюм исключительно для балов. На все остальные занятия, на завтрак и на обед будьте добры появляться во фраке. В остальное время можете ходить, в чём заблагорассудится, не забывая, однако, о рамках приличия. В пятницу вечером прачка будет забирать у вас грязные вещи. Чтобы избежать недоразумений, позаботьтесь пришить ко всем вещам бирки. С наступлением холодов Прохор Степанович выдаст вам тулуп и валенки. Вы убедитесь, что для здешних морозов это единственно оптимальная одежда.

– А шапки-ушанки? – не сдержался Данил, за что и поплатился.

Старикашка засуетился и принялся рыться в ворохе меха, приговаривая:

– Ох, барин, барин. Не серчайте на старого Прохора. Как же я, старый вояка, запамятовал. И на гору одежды оторопевшего Волкова легла самая настоящая шапка-ушанка.

– Кто-нибудь ещё желает получить шапку прямо сейчас? – искривил бровь наставник.

Однако все, отрицательно мотая головой, попятились к выходу, косясь на странного старика.

– Вот и замечательно. Отнесите одежду к себе и спускайтесь на обед. После обеда мы ещё раз навестим нашего уважаемого завхоза, и вы получите нитки, иголки и ткань на ярлычки, а также тетради и письменные принадлежности для учёбы.

Всю вторую половину дня они провели, пришивая и подписывая ярлыки к своей одежде. Чтобы было не так скучно, Андрей достал из сумки свой нетбук и включил музыку. Однако через три часа тот полностью разрядился: Князев не предполагал, что могут возникнуть проблемы с зарядкой, и ноутбук изначально был наполовину разряжен. Где теперь его подзаряжать, Андрей не знал. Оставалось надеяться, что получится договориться с учителем информатики и подключиться к пилоту компьютера. Ведь не от солнечных же батарей они работают! Хотя, наблюдая за вращением лопастей ветряных мельниц, он бы не удивился, если бы оказался прав.

– Значит, у нас будет верховая езда, фехтование, этикет, история и информатика. Всего пять предметов? – спросил Андрей, когда стало невозможно сидеть в тишине.

– Этого более чем достаточно, – подтвердил правильность подсчётов Николай.

– Вы забыли танцы, – напомнил Иван.

– Они относятся к этикету, – не согласился Муравьёв.

– А девочки те же предметы изучают?

Николай задумался, вспоминая, что относительно воспитания девушек рассказывала баронесса, когда они летом смотрели с отцом академию.

– Если я не ошибаюсь, кроме истории и этикета у них будет вестись домоводство, литература и музыка.

– А какие тогда у них специальности? – заинтересовался Ваня.

– Ты что, настоящие леди всегда сидят дома, – решил блеснуть знаниями Андрей. – Вот их этому и научат. Выйдут замуж и будут нянчить малышей, вышивая в свободное время крестиком или читая романы.

– На самом деле, они тоже получают высокооплачиваемую специальность, – исправил друга Никола. – Они могут выбрать дизайн, журналистику или искусство.

– Искусство?

– Игра на музыкальном инструменте, вокал или живопись – выбрать можно любую отрасль. У нас, кстати, есть вариации в политическом направлении: предпочитаешь международную политику, получишь корочки дипломата; внутреннюю – диплом политолога.

– И нас действительно устроят по специальности? – не поверил Ваня.

– Конечно. В этом и смысл. Мы должны работать на тех местах, где хоть что-то можем дать людям и Родине. И мы должны позаботиться, чтобы больше не было того кошмара, что пришёл с революцией, если вдруг такая угроза снова возникнет.

– И ты думаешь, это реально? Нас же так мало!

– Есть ещё лица в Москве, там учатся только юноши. Я сначала хотел туда поступить, но... – Николай задумался, что-то просчитывая в уме. – Хотя не удивлюсь, если это часть их заговора.

– Ты о чём? – не поняли друзья.

– Заговор отца и крёстного, барона Златова. Я же говорил, что они вознамерились непременно меня женить на Ангелине. В общем, я получил отказ, что весьма удивительно. На самом деле это чудо, что мы трое – потомки графов. Учитывая эмиграцию и ссылки, в Рос-

сии мы должны быть занесены в Красную книгу. Выше нас только князья Вяземские, которым и принадлежит Александровский лицей.

– То есть, графов больше не осталось? – посмотрел на кольцо Андрей.

– Почему? Есть некоторые, с той стороны Урала, – неопределённо махнул рукой Муравьёв. – Просто многие живут за границей и не думают возвращаться в Россию. Теперь ты понимаешь, почему на тебя учителя так смотрят? Возвращение потерянного или уехавшего рода – всегда праздник для всех нас! А для баронессы твой случай особенный: она сама была единственным выжившим ребёнком в роду, и стала по смерти отца обладательницей титула. Её выдали замуж за родовитого, но нетитулованного дворянина, который взял её фамилию.

– Он стал бароном?

– На самом деле, полноправным бароном стал мой крёстный, старший сын баронессы и отец Ангелины, Геннадий Николаевич. Но в те времена наши семьи почти ни с кем не общались, и отец всегда называл деда Николая бароном Златовым.

– Ясно. А вы правда в замке живёте?

– Ага, в самом настоящем.

К ужину вся одежда была подшита. Когда они спускались в столовую, во двор въехала та же вахтовка, что привезла их сюда. Это прибыли остальные студенты.

К удивлению всех, кроме Муравьёва, второй и третий курсы были ещё малочисленней.

– А что вы хотели? – дивился Никола. – Вычтите меня и Ангелину – мы могли продолжить учиться и дома, да ещё Андрея – про него вообще случайно узнали, вот и останется только шесть человек.

Глава 8. Конюшня

На следующий день на завтрак пришли все преподаватели. Как пояснил Николай, они жили в домах, что составляли маленькую деревушку при академии. Только директор и наставники постоянно обитали в самой академии, да слуги, комнаты-коморки которых были за кухней.

Перед завтраком к ним подошли парни из старших курсов.

– Добро пожаловать, – первым поздоровался высокий черноволосый третьекурсник с аккуратными усиками и тростью в руках. – Я барон Александр Шафиров. Это, – снисходительно кивнул он на сокурсников, – мои приближённые, дворянины Антон Внуков и Илья Озеров.

– Сказал бы сразу, что помещики – твоя свита, – ядовито ответил франту Никола.

Однако Андрей заметил, что друга заинтересовал молчаливый и бесстрастный красавец Антон. Рыжеволосый неказистый Илья кивнул им, явно довольный таким представлением.

– Меня зовут Кирилл Сомов, – представился довольно смуглый брюнет с серо-кариими глазами.

– Купец Василий Комаров, – галантно поклонился крепко сложенный зеленоглазый парень.

– А ты кто такой? – надменно спросил Шафиров, буквально сверлящий глазами Николая после его реплики.

Ответив гордым царственным взглядом и выдержав паузу, Николка со всем возможным достоинством произнёс:

– Граф Николай Симеонович Муравьёв. Думаю, вы слышали о моей семье.

От неожиданности барон даже отступил, а Муравьёв решил окончательно добить оппонента:

– Мои верные соратники, граф Иоанн Соколов и граф Андрей Князев. И наши друзья, дворянин Даниил Волков и купец Игнатий Ветров.

Однако барон не слышал последних слов. Он так смотрел на трёх представителей элиты аристократии, что Ивану от души стало жалко Шафирова. По всей видимости, тот очень гордился своим титулом, а особенно тем, что выше него среди студентов никого не было. И вот теперь они трое представляли реальную угрозу его власти.

Ответить барон не успел. Со стороны южной лестницы послышался стук каблучков, и молодые люди поспешили занять свои столы. В отличие от юношей, одетых в одинаковые синие фраки, девушки были в русских сарафанах, притом абсолютно разных. Ангелина в бело-голубом платье кокетливо помахала Николаю ручкой, когда стайка входила в трапезную. Никола кивнул, отогнав от себя мысль просто проигнорировать столь вульгарный жест.

Последними появились преподаватели во главе с баронессой и наставниками. Их оказалось всего девять. Трое незнакомых мужчин сели по правую сторону от баронессы после их наставника, три женщины заняли места с противоположной стороны стола.

– Спорим, он с конюшни, – усмехнулся Данил, кивая на сухонького мужичка с роскошной бородой в чёрных сапогах и рубахе.

Иван тоже смотрел на преподавателей, внутренне соглашаясь с выводами однокурсника. Рядом с наставником сидел строгого вида учитель в тёмно-зелёном камзоле, его чуть волнистые волосы доставали до плеч. Наверняка именно он будет вести фехтование. Последний их преподаватель разительно отличался ото всех: молодой, в джинсах и вполне современного кроя тёмно-клетчатой рубашке с расстёгнутой верхней пуговицей. Из всех, по мнению Вани, только он один и мог быть информатиком. «А будет забавно, если я ошибся», – усмехнулся Ваня, представив, как смешно будет выглядеть среди компьютеров мужчина в камзоле.

Андрей, придя к тем же выводам, что и друг, переключился на преподавательниц. Рядом с Анастасией Дмитриевной сидела пышная дама в цветастом платье и платке. Следующей была статная боярыня или, может, даже княгиня. Последняя женщина щеголяла в красном сарафане и кокошнике. Что-то подобное Андрей видел у ансамбля русских народных танцев, что несколько раз выступал у них в школе на восьмое марта.

После завтрака наставники зачитали расписание на день. У юношей первого курса была верховая езда, а девушки ушли за пышной дамой на домоводство.

Конюшни располагались внизу холма, у последнего домика деревни, где, как оказалось, и жил их учитель. Длинное деревянное здание с небольшим загонем, от которого шла тропинка к реке. Зайдя внутрь, юноши увидели почти два десятка лошадей в стойлах. Все, кроме Николы, в восхищении разглядывали гнедых, вороных и бурых красавцев. Не размениваясь по мелочам, Муравьёв напрямик направился к коню, стоящему отдельно ото всех.

– Эй, ты куда? – окликнул друга Иван.

– Это мой Ворон, – гордо произнёс шатен, продолжая движение.

– Ворон? – удивился Данил, посмотрев на абсолютно белого прекрасного скакуна.

Тут они услышали покашливание. Обернувшись к двери, все увидели профессора, про которого как-то забыли, что было немудрено: как городские жители, они видели настоящих лошадей разве что в цирке.

– Меня зовут Захар Епифаныч, – представился мужичок, проходя вглубь конюшни. – Первое, что мы сейчас сделаем – это выберем вам лошадей. Та лошадь, которую вы выберете, будет ваша до конца обучения в академии. Лошади в стойлах с пометками уже заняты, – указал он на цветные лоскуты ткани с именами временных владельцев, повязанные у пяти калиток.

Они подошли к отделённым перпендикулярным сквозным проходом стойлам. В крайнем к загону был Ворон, следующее стойло было свободно, остальные три заняты породистыми, наверняка невероятно дорогими, кобылами и жеребцом.

– Графиня, – представил сказочную вороной масти лошадь Захар Епифаныч, доставая из сумки, висящей по эту сторону калитки, морковь, – Принадлежит Петру Анатольевичу. Фризской породы, выведенной в Нидерландах в 16 веке. В народе получила название «чёрная жемчужина».

Пока преподаватель рассказывал, они разглядывали эту грациозную лошадь с мохнатыми ногами, лоснящимися боками и длинной расчёсанной гривой. С удовольствием поедая сочную морковку, она казалась удивительно спокойной и покладистой. Следующим он стал представлять серого в яблоках жеребца, стоящего в стойле у второго выхода.

– Ветер, личный конь баронессы Златовой, знаменитой орловской породы. Вывел породу в 18 веке граф Алексей Орлов, в честь которого она и была названа. Орловские рысаки считаются одними из лучших в мире.

Ветер тоже получил своё лакомство. У последней кобылы была бурая, даже золотистая, окраска. Она смотрела на людей задумчивым мудрым или, может быть, оценивающим взглядом.

– Аврора, лошадь Анастасии Дмитриевны, донской породы, также выведена в нашей стране в конце 18 века.

– А это правда его конь? – спросил Данил, с недоверием и завистью посмотрев на снежно-белого рысака.

– Анна Константиновна лично попросила меня позаботиться о коне графа, – подтвердил мужчина. – Прекрасный молодой арабский жеребец. Правда немного дикий и плохо обездвиженный.

– Он подпускает только меня. Я выбрал его жеребёнком и никому до этого не позволял к нему подходить, – пояснил Николай, поглаживая лошадиную голову, опустившуюся ему на плечо.

– Тогда всё ясно. Думаю, он будет рад, если вы будете заходить и общаться с ним чаще. А то я уже испугался, что он заболел: второй день плохо ест. Думал, доктора звать.

Захар Епифаныч велел им выбрать понравившуюся свободную лошадь. Сказал, что их задача на ближайшие две недели – как можно чаще приходить сюда, ухаживать за своей кобылой, разговаривать с ней, угощать сахаром, морковью или яблоком. Когда они подружатся с лошадьми, он научит запрягать скакунов. И, возможно, к концу месяца они уже будут сидеть верхом, и тогда он устроит им прогулку вдоль реки.

Андрей выбрал статную коричневую лошадь, нижние части ног, хвост и грива которой были абсолютно чёрные, а во лбу белела «звезда». «Гнедую», – заметил учитель, когда он неосторожно сказал: «Вон ту, коричневую». Захар Епифаныч раздал лоскуты и маркеры, веля написать свой титул и имя, и повязать на калитку стойла своей кобылы. Андрей на всякий случай завязал на два узла. Табличка гласила, что его лошадь звали Звёздочкой.

Ване понравилась Ночка, как, впрочем, и Даниле. Но так как Иван первым это сказал вслух, Захар Епифаныч рассудил их спор в его пользу. Лошадь была абсолютно чёрной. «Воронной», – поправил Николай, одобряя его выбор и дивясь, почему её не выбрали предыдущие курсы. Оказалось, её выбирал сам барон Шафиров, вот только с её норовом не смог совладать. Вторая лошадь надменного барона тоже была вороной, с белой полоской вдоль носа, по кличке Гроза.

Данила, надувшись на однокурсников, выбрал себе гнедую ничем не примечательную Маркизу. Игнат же взял чисто бурую Ромашку. Ещё четыре или пять лошадей остались без хозяев.

Захар Епифаныч около часа рассказывал, как найти со своей лошадью общий язык, как заботиться о ней, что можно и что нельзя делать. Они узнали, как правильно подавать угощение, как лучше подходить и по каким признакам можно угадать настроение своих подопечных.

– И помните, что лошади очень восприимчивы к вашим эмоциям. Всегда говорите с ними спокойно и ласково, резкие движения и звуки способны их напугать, и в результате вы можете никогда не завоевать их доверия.

Преподаватель так интересно и с такой любовью рассказывал о лошадях, что было искренне жаль покидать это чудесное место. К своему удивлению, поднимаясь к академии, они обнаружили, что обед совсем скоро, а им ещё надо было успеть принять душ и переодеться.

– Никола, а почему ты коня назвал Ворон? – уже в комнате поинтересовался Ваня.

Они с Андреем успели выяснить, что друг абсолютно не воспринимает форму своего имени «Коля», зато спокойно откликается и даже сам разрешил, как друзьям, его звать этим устаревшим эквивалентом.

Николай, оправляя перед зеркалом фрак, ностальгически улыбнулся:

– Мы думали, жеребёнок родится вороным. Мне было двенадцать лет, я отлично держался в седле, и отец пообещал, что этот жеребёнок будет моим. Он родился раньше предполагаемого срока и оказался абсолютно белым. Все думали, что он не выживет, тем более кобыла его не воспринимала. Отец предложил дожидаться следующего, нормального, жеребёнка от другой лошади, но я так ждал этого... Чтобы его не увели и не закололи, я запретил всем к нему подходить, даже нашему конюху. Сиверс принёс мою детскую бутылочку, и я месяц его выхаживал. Когда он окреп, то я уже как-то привык звать его Вороном.

– Значит, он альбинос?

– Скорее всего просто так гены сложились, – пожал плечом Никола. – У Ворона голубые глаза, а не красные. Хотя отец считает его частичным альбиносом: он единственный белый скакун в табуне.

После обеда у них была информатика. Молодой Евгений Денисович сразу задал заоблачную планку, сказав, что раз им 16, то и печатать они должны со скоростью 160 знаков в минуту. Усадив их за компьютеры, он мгновенно определил, про кого говорила ему баронесса Златова, и сел рядом с Николаем, подсказывая ему, как включать компьютер, попутно разъясняя, как тот работает и для чего нужны мышка и клавиатура. В конце концов, и Никола смог найти нужную программу и начать печатать, правда только отдельные слова, а не фразы, как остальные.

Через час тренировки, преподаватель дал десять контрольных минут. В результате дотянуться до поставленной планки смог только Данил, набарабанивший аж 173 знака в минуту. Евгений Денисович посоветовал приходить и тренироваться в свободное время, сказав, что даже по школьным меркам они печатают медленно (из остальных лишь Андрей смог превысить сто знаков, да и то ненамного). Николаю мужчина дал в качестве домашнего задания распечатку названий всех дополнительных клавиш клавиатуры, наказав выучить до следующего урока и похвалив за сегодняшний результат.

Когда все уходили, Андрей задержался. Попросив у учителя разрешение заряжать ноутбук, юноша, не откладывая в долгий ящик, поднялся за ним и поставил на зарядку, уточнив, во сколько преподаватель уходит.

Первый учебный день прошёл как одно мгновение. И никто из них даже не подумал сожалеть, что приехал сюда.

Глава 9. Окунуться в историю

Ещё с вечера на стенде жилого этажа вывесили расписание. Выяснилось, что первый курс самый загруженный: у них каждый день было по два занятия. У второго курса оказалось меньше часов этикета и всего раз в неделю информатика и верховая езда, зато они больше занимались фехтованием. У третьего курса все предметы, кроме фехтования, велись по часу, и добавлялся новый урок – политика. Как пояснил Николай, старшие курсы были заняты работой по своим направлениям, поэтому им предоставлялось дополнительное свободное время. Хотя судя по тому, как быстро их вчера отпустили с информатики, у них тоже не будет недостатка во времени.

– Чем здесь вообще можно заняться? – поднимаясь после завтрака на историю, спросил Андрей. – Телевизора нет, бук только у меня, связи по-прежнему нет.

– А её и не будет, – покосился на мобильный телефон Никола. – Зато библиотека всегда открыта: ты можешь взять любую книгу. Баронесса сюда не пожалела даже часть своей библиотеки.

– А если кто украдёт? Библиотекаря-то нет, за книгами никто не следит, – вмешался Игнат.

– Так это то же самое, что дома украсть, – не поверил такому кощунственному предположению граф.

– И всё же? – заинтересовался уже и Данил, прикидывая, сколько стоят столь раритетные экземпляры.

– Если Прохор Степанович в конце года не досчитается книг, академию закроют, – и бровью не поведя, солгал Муравьёв, желая отбить всякую охоту у сокурсников даже думать об этом.

– Я и в школе-то не особо читал, – развёл руками Андрей, скептически относящийся к этому виду занятий, ведь сейчас любую необходимую информацию можно в считанные секунды найти через Интернет.

– Придётся начать. Тем более свою профессию мы будем осваивать самостоятельно.

– Это как? – застыв у дверей кабинета, уставился на Муравьёва Игнат.

– Нам же сказали, что с нами будет заниматься куратор по направлению, которое мы выберем, – возмутился Данил.

– Он будет направлять, помогать и контролировать, а не разжёвывать и подавать на блюде. Вы же видели расписание: там нет никаких лишних занятий. Мы должны учиться добывать знания сами.

– А политика? – не согласился Данил.

– Она ведётся у всех, вместо второй истории, для общего развития, – возразил Никола.

Они услышали хрустальный звон и поспешили войти в кабинет. Общие звонки в академии не подавали, и каждый преподаватель по своему усмотрению определял продолжительность занятий со студентами. Оставшиеся до обеда или ужина время считалось свободным и никак не контролировалось.

– Доброе утро, – когда все расселись, поприветствовала их баронесса. – Сегодня мы с вами начнём краткое знакомство с вашими родословными. Ведь прежде чем изучать историю Руси, вы должны представлять, какой вклад в эту историю внёс именно ваш род. Кроме того, я считаю важным, чтобы вы познакомились с родословными друг друга и своих старших товарищей. Конечно, я расскажу только об основном, более подробно вы сможете ознакомиться с историей вашего рода, посетив библиотеку и просмотрев справочник дворянских родов, где указано, в родословных книгах каких губерний упоминаются представители вашего рода.

Все обратились в слух. Баронесса говорила спокойно, не торопясь и не повышая голос. Она рассказывала о том, почему так важно знать свои корни, об ошибках, которые совершали одни представители рода, а исправлять приходилось зачастую не одному поколению потомков. О том, что в современных учебниках история искажена, и познавать они её будут по летописям и литературе того времени. И только во второй половине урока Анна Константиновна перешла к конкретному роду. Иван с запозданием осознал, что говорят о нём.

– Это дворянский род, историю которого принято вести от Максима Корнеева Соколова, получившему землю за доблестную службу в 1675 году от второго царя дома Романовых Алексея Михайловича. По указу Павла I от 1800 года, род Соколовых, наряду с другими родами, подтверждён в дворянском достоинстве.

Ваня так внимательно слушал, что совершенно забыл записывать. Усмехнувшись, Николай, который наизусть знал родословные дворянских родов и поэтому не утруждал себя конспектом, придвинул к себе тетрадь друга и стал писать за него, добавляя и от себя комментарии.

– При Александре I в 1823 году одна из ветвей рода Соколовых удостоилась графского титула. Гербом стал летящий серебряный сокол с золотым колосом в когтях на голубом фоне, увенчанный графской короной с сине-золотым наметом вокруг. Во время гражданской войны род выступал на стороне белого движения, был лишён земли и титула, и сослан в Сибирь. Здесь их расстреляли.

– А откуда тогда Ваня взялся? – не сдержался Данил.

Баронесса строго взглянула на перебившего её студента, после чего уже другим, каким-то мягким взглядом, посмотрела на смущённого Соколова:

– Даже в те жестокие времена были случаи, когда женщин и детей оставляли в живых. Женщины в большинстве своём умирали в лагерях, как жёны политических преступников, а детей отправляли в детские дома и воспитывали в советской идеологии. Так случилось и в этот раз: младшего сына графа, Анисия, которому было на тот момент всего пять лет, охранники конвоя тайно ссадили с поезда, сказав по прибытию, что мальчик умер в пути. Так Анисий Соколов стал Соколовым Алексеем – воспитанником детского дома №2.

– Откуда вам это известно? Почему вы думаете, что именно я потомок Анисия Соколова? – на одном дыхании выпалил Ваня.

– Разве отец никогда не рассказывал тебе, что твой прадед был из детского дома?

Иван помотал головой, ловя каждое слово. Баронесса с какой-то непонятной грустью и сожалением посмотрела на него. На какое-то мгновение Ваня подумал, что его исключат, что на самом деле произошла чудовищная ошибка, и он не является никаким графом. Однако слова женщины развеяли его переживания:

– Любой Соколов в той или иной мере потомок дворянского рода. В том детском доме была заведующей бывшая монахиня, она трепетно хранила и оберегала тайны своих воспитанников и в дальнейшем старалась проследить их судьбу. Свои записи незадолго до смерти она спрятала в разрушенном монастыре, и когда в России стали восстанавливать храмы, её дневник нашли, и настоятель передал его нам. На тот момент наш род активно искал потомков ссыльных дворян, и поднять архивы, имея связи и деньги, не составило большого труда. Так что именно ты, Иоанн, единственный наследник и потомок последнего графа Соколова.

– Вы сказали, что их лишили титула, – напомнил Ваня, опустив голову.

– Декрет от 10 ноября 1917 года «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» упразднил все сословия и уравнивал нас в правах с обычным людом, – печально ответила баронесса. – Земли остались только у тех, кто был вне зоны видимости тогдашнего правительства. Остальным, сохранившим свою историю и достоинство, пришлось начинать с нуля. Легче всего было тем, кто, как князья Вяземские, хранил часть капиталов за рубежом. Белая армия не приняла ликвидацию сословий, так как указ шёл не от царя, находившегося тогда с семьёй в ссылке, а от захватчиков. Поруганию и отречению от рода были удостоены лишь те, кто встал

под красные знамёна и участвовал в заговоре против царской семьи. Так что если вы оказались здесь, будьте уверены, что ваш род чист перед последним императором и вы полноправно носите свой титул.

– Но ведь титул тогда должен принадлежать нашим родителям, – неуверенно предположила баронесса Кноп.

– Вы первые за несколько поколений получите соответствующее вашему титулу воспитание, – возразила Анна Константиновна. – Кроме того, открою вам тайну: существует Совет, который постановил, что все потомки титулованных дворянских родов вправе с самого юного возраста носить причитающейся им от рождения титул в связи с утратившими силу привилегиями, которыми при царском режиме обладали главы родов.

– И наши дети тоже будут баронами и графами? – обрадовалась Фаина.

– К сожалению, прерогативой передавать титул по наследству наделены только юноши. По женской линии титул передаётся лишь в том случае, если в роду не осталось потомков мужского пола.

Кноп приуныла, вспомнив о младшем брате. Но вдруг ей в голову пришла другая идея:

– А если я не выйду замуж, то останусь баронессой?

Анна Константиновна улыбнулась:

– Брак не изменит вашей крови, и не лишает девушек привилегии носить титул, полученный при рождении.

Глава 10. Уроки хороших манер

После обеда их ожидал урок этикета, который Пётр Анатольевич перенёс в тренировочный зал. Он объявил, что поскольку по вторникам и пятницам зал не занят, в эти дни у них довольно часто будет практика по этикету, а в дальнейшем и танцы. Сегодня же он велел им взять подушки и сесть полукругом, сам сев на ближайшую скамейку. Когда все с удобством расположились, он задал совершенно неожиданный вопрос:

– Поднимите руки, кто из вас читал роман Марка Твена «Принц и нищий»?

Руки подняли лишь Ваня и Николай.

– А мультик считается? – деловито спросил Игнат.

– Нет, в мультфильме слишком много искажений и вольностей, – улыбнулся наставник. – Советую вам всем взять в библиотеке и прочитать этот великолепный роман.

– А почему именно его? – подозрительно уточнил Данил.

– Марк Твен удивительно точно описал, как нищий мальчик, оказавшись во дворце, учится быть принцем. Это предстоит и нам. Конечно, не за пару недель, как в книге, но к концу года вы должны будете владеть основами придворного и светского этикета. В дальнейшем мы будем лишь расширять ваши знания и доводить выполнение всех правил до автоматизма, чтобы к окончанию обучения вы не только по крови являлись дворянами, но были достойны своего рода соответствующими манерами и поведением.

Урок оказался недолгим. Рассказав о появлении термина «Этикет» и его истории, Пётр Анатольевич лично сопровождал их в библиотеку и указал на стеллаж, где они могли найти нужную книгу. Веля прочитать роман до следующего урока, мужчина удалился, а они, взяв книги, поднялись в свои комнаты выполнять данное поручение.

Приближался вечер. Ваня лежал на кровати и рисовал что-то в своём блокноте, отложив на время книгу. Он тоже решил перечитать «Принца и нищего», хотя прекрасно понимал, что со своей скоростью чтения никогда бы не успел прочитать его полностью за один день. Андрей, похоже, увлёкся рассказом, несмотря на свои недавние заверения, что совсем не любит и не хочет читать. Никола зубрил к четвергу названия клавиш, то и дело выискивая их на ноутбуке.

– Я пойду, прогуляюсь, – закрыв блокнот и убрав его в сумку, решил Ваня.

– Через час ужин, – что-то пометая на листе, напомнил юный граф Муравьёв.

– Ничего, успею. Хочу дойти до конюшен.

– Я тоже не прочь отдохнуть, – закрыв ноутбук, потянулся к ветровке Никола. – Конечно, если ты не возражаешь относительно моей компании.

– Ребят, я с вами, – оживился Андрей.

– А как же уроки?

– Ну, вы ведь оба читали – расскажете по дороге. Мне всё равно не успеть. Или вам свет не будет мешать ночью спать?

– Ещё чего! Я дам тебе свечку, – фыркнул Никола.

– В отличие от тебя, я не привык читать при свечах. И не хочу к концу учёбы ослепнуть.

– Эй, хватит вам, а то действительно опоздаем на ужин, – прервал Ваня перебранку друзей.

Спор был абсолютно безобидный и даже немного шуточный. Просто последние несколько часов, что они провели за уроками, их всех утомили, и они были рады хоть немного прогуляться и развеяться перед «вторым заходом».

Конюшня была открыта, но некоторые стойла оказались пустыми. Посмотрев имя на ближайшем лоскутке, Николай сделал вывод, что у третьего курса ещё не закончен урок и, веро-

ятнее всего, они вместе с преподавателем на прогулке. Ворон замотал головой, приветствуя своего хозяина.

– Привет, Ночка, – поприветствовал свою лошадь Иван, доставая из кармана мешочек с нарезанным на несколько частей припасённым с завтрака яблоком.

– Не поделишься?

Ваня отдал несколько кусочков Андрею. Ночка недоверчиво наблюдала за новым хозяином. Неспеша приблизившись, Ваня протянул над низкой калиткой руку с угощением, стараясь держать ладонь так, как советовал учитель. Почувяв аромат сочного яблока, и немного помедлив, кобыла аккуратно взяла губами угощение. Чуть приободрившись, Иван уже смелее подал ей второй кусочек.

Вскоре с прогулки вернулся третий курс. Заведя лошадей в стойла, барон и его свита свысока посмотрели на неумело обращающихся с животными первокурсников.

– Ты её аккуратней гладь, она дикая, – посоветовал Александр Соколову.

Почувствовав, что лошадь занервничала, Ваня от греха подальше вышел из стойла. Николай, похлопав на прощание Ворона по крупу, тоже вышел в проход.

– И что вы ей сделали, барон, что она шарахается от одного вашего вида?

Шафиров смерил его надменным взглядом.

– Я не претендую. Если твой друг хочет сломать себе шею – пожалуйста. Я просто предупредил.

– Спасибо, мы учтём.

Зашёл Захар Епифаныч. Все посторонились, пропуская его с лошадью к свободному стойлу. Третьекурсники, попрощавшись с профессором, ушли. Друзья, получив от преподавателя несколько новых советов, тоже поспешили на ужин.

На следующий день Пётр Анатольевич и не вспомнил о задании, что давал им накануне. Урок он начал с иерархии титулов, их толкования, и сравнения с западными аналогами. Они узнали, почему Пётр Первый выбрал именно эту систему, что она на самом деле является упрощённой, что некоторые титулы, такие как герцог, просто не прижились, и единственный представитель российского дворянства, получивший данный титул, был знаменитый князь Александр Данилович Меншиков, друг и соратник Петра.

– Истинно российскими титулами к концу 18 века, наряду с боярским и княжеским, стали титулы графа и барона. Так как с усилением дворянства боярские титулы перестали жаловать, хотя их официально и не отменили, к концу правления Павла I бояр не осталось. Последним русским боярином считается Иван Юрьевич Трубецкой, имевший в браке двух дочерей, сменивших при замужестве фамилию и не передавших титул своим детям. К тому времени все боярские рода либо прервались, либо стали графами и баронами.

Пётр Анатольевич рассказал им про привилегии титулованного дворянства, про их отношение к иностранному дворянству, среди которых были баронеты и маркизы, про период присвоения личного дворянства, не передающегося по наследству.

– А купец – это титул или нет? – решил спросить Игнат, ни разу не услышав в монологе наставника своего звания.

– Купечество, как и духовенство, является особым сословием, – задумавшись, пояснил наставник. – У него своя история, свои обязанности и привилегии. Поначалу многие основатели купеческих династий были неграмотными, притом это была единственная профессия, которой могли заниматься и мужчины, и женщины. К слову, купеческий род Ветровых пошёл из небогатого дворянского рода, воспользовавшегося законом от 1898 года, позволившему торговать, не вступая в гильдию, и в начале двадцатого века всё-таки примкнувшему к одной из купеческих гильдий. Купцы меньше всего пострадали при революции, хотя мало кто ушёл от раскулачивания.

– Значит, его пригласили не потому, что он купец? – спросил Андрей.

– Сравнимы с дворянством были только купцы первой гильдии, многим из которых, в конце концов, жаловали дворянство. После революции таких родов осталось лишь несколько десятков, многие покинули страну, – расплывчато ответил Пётр Аннатович.

– Поздравляю, ты такой же вымирающий вид, как и мы, – негромко, чтобы наставник не слышал, сказал однокурснику Князев.

После обеда у них по расписанию было фехтование. Первое, куда их повёл, представившись, Валерий Кондратьевич, была оружейная. Он разрешил им выбрать любое оружие из лежавшего на полках.

– Я посоветовал бы графам, соответственно их положению, остановить свой выбор на мечах, – наблюдая за ними, сказал учитель. – Купцы издревле довольствовались кинжалом, так как он незаметен под одеждой. Нетитулованные дворяне в повседневной жизни зачастую были безоружны или тоже предпочитали кинжалы, однако были и исключения. Здесь вас никто не осудит, какое бы оружие вы не выбрали. Кроме того, по распоряжению баронессы, те из вас, кто достойно сдаст экзамен по владению своим оружием, по окончании учёбы получит возможность оставить его у себя.

Раздались одобрительные возгласы, и молодые люди ещё более критично стали рассматривать великолепное оружие, уже не слыша слова преподавателя о балансе и уникальности представленных клинков.

– А если у меня уже есть кинжал? – шёпотом спросил друга Андрей.

– Выбирай меч, – пожал плечами Никола, взвешивая на руке небольшой кинжальчик, рукоять которого украшал узор из сапфиров.

– Ты возьмёшь его? – спросил Иван, уже выбравший самый обычный на вид меч.

– У меня меч уже есть, и я хорошо им владею. Думаю, мне не помешает освоить кинжал, – просто ответил Николай, удовлетворённо посмотрев на царяину, оставшуюся на пальце. – Даже точить не надо.

– Ну ты и мазохист, – прокомментировал Князев, вытаскивая из ближайших ножен меч.

– А почему нельзя выбрать этот? – раздался громкий вопрос Данилы, с завистью разглядывающего расшитые золотом ножны, висящие на стене, из которых выглядывала усыпанная драгоценными камнями рукоять.

– Этот уже выбран, – спокойно пояснил Валерий Кондратьевич. – Он принадлежит барону Шафирову.

– Опять этот выскочка, – пробубнил Волков, переходя к созерцанию незанятых мечей.

Игнат тем временем уже держал в руках самый дорогой в оружейной клинок в золотых ножнах, украшенный мелкими рубинами и бриллиантами. Ещё до конца не веря, что такое чудо могли не выбрать предыдущие два курса, он любовно поглаживал рукоять своего кинжала.

Андрей тоже нашёл оружие по душе: лёгкий меч, лезвие которого украшала причудливая гравировка. Последним свой выбор сделал Данил, остановившись на необычном серебряном мече с фигурной рукоятью, украшенной изумрудами.

Убедившись, что студенты закончили с выбором, Валерий Кондратьевич ещё раз напомнил единственное условие, при котором оружие станет их, после чего они отправились в тренировочный зал на свой первый урок фехтования.

Первая неделя в академии пролетела незаметно. Новые впечатления, необычные уроки, забота о лошадях, которых они навещали почти каждый вечер. Это было так непохоже на их привычный мир, что казалось сказкой. В четверг на истории Николай и Ангелина рассказали о своих родах и традициях, которые до сих пор сохраняются в их семьях; на информатике Николе дали очередной список, который он должен был выучить, а в пятницу прошёл третий за неделю урок этикета, на котором Пётр Аннатович провёл тест по «Принцу и нищему».

В результате Андрей, вернувшись с верховой езды, которая была у них после обеда, весь вечер дочитывал заданный ещё ко вторнику роман, который забросил, полагая, что наставник уже и не спросит. Впереди маячили выходные – целых два дня безмятежного отдыха...

Глава 11. Наставник

Если они надеялись, что в выходные им дадут спокойно выспаться и отдохнуть, то их ждало немалое разочарование. После завтрака, на который они заставили себя встать, памятуя, что иначе останутся голодными до обеда, их отправили в конюшню, в то время как старшим курсам было поручено идти к жившим при академии профессорам помогать по хозяйству. Тогда-то Андрей и вспомнил про трудовую терапию, которой так пугала их с отцом баронесса. Девочкам повезло больше: для них поручений не оказалось и они, позавтракав, ушли в свои комнаты.

Захар Епифаныч ждал их в воротах. Определив фронт труда для каждого, он вернулся в загон, где сейчас находились Графиня и Аврора. Провозились в конюшне они до самого обеда. Несмотря на мрачные ожидания, их не заставили вычищать стойла, а доверили лишь привести в порядок снаряжение и накормить лошадей. Однако и эта работа оказалась совсем непростой для юных горожан, никогда не живших в деревне. Однокурсники с завистью наблюдали, как легко и просто с поручением справляется Николай: как аккуратно и даже с некой любовью он чистит неизвестно где лежавшие сёдла, как проверяет прочность стремян, протирает уздечки. А как виртуозно обращается с вилами, разделяя сено между своими подопечными!

К тому времени, как друзья справились со своей работой, Никола щёткой вычистил шерсть Ворона, расчесал его гриву и хвост, и даже почистил копыта.

Уставшие, они возвратились в академию. Душ подарил ощущение блаженства и вернул их к жизни. К счастью, после обеда заданий не было, и они получили так желанный с вечера отдых.

Никола вернулся к изучению сочетаний клавиш. Андрей снова одолжил ему свой нетбук, включив программу, что использовал Евгений Денисович для проверки у них скорости печатания (он скачал её на последнем уроке информатики). И теперь Никола с увлечением набирал предложенный текст, состоящий только из символов и знаков препинания.

– Надоест, можешь сменить режим на Фразы, – лениво посоветовал Андрей, развалившись на кровати с конспектом по этикету. Он справедливо полагал, что Пётр Анатольевич вполне может на ближайшем уроке проверить, что из теории они запомнили, и не хотел больше оказаться в той ситуации, в которую попал с тестом по Марку Твену.

– Я скоро приду, – убедившись, что друзья заняты своими делами, выскользнул Ваня за дверь.

Помявшись минут пять перед дверью, Иван нерешительно постучал. За дверью раздались шаги, и через минуту на пороге появился хозяин комнаты во вполне современных брюках и свитере. Наставник жестом пригласил войти.

– Можешь присесть, – подходя к серванту, предложил гостю Пётр Анатольевич.

Ваня, замерший недалеко от двери, неуверенно приблизился и сел на край дивана.

– Чем могу помочь? – мужчина налил себе и юноше гранатового соку, после чего вернулся к своему креслу и, устроившись в нём, посмотрел на студента.

Ваня медлил, глядя на наставника. Кто он: барон, граф? Наверняка у их преподавателя тоже есть титул, просто не может не быть. Его королевская осанка, обрамляющие, словно грива, лицо волосы, властный и в то же время мягкий и понимающий взгляд, манеры и речь – всё говорило в пользу благородного происхождения и воспитания. Разорвав визуальный контакт, Иван попытался привести мысли в порядок.

– Ты хотел что-то узнать? – выждав пару минут, напомнил о себе наставник.

– В письме, которое мне прислали, говорилось, что студентам полагается стипендия.

– Всё верно. В конце каждого месяца на твой счёт академия будет переводить 1000 рублей в качестве карманных расходов.

– У меня нет счёта, – промямлил юноша.

– Баронесса обо всём позаботилась. На исходе этого месяца вам выдадут карточки, куда будет переводиться стипендия. Правда, воспользоваться вы ими сможете, только когда вернётесь в город.

– Я не об этом...

Ваня замолк, с надеждой посмотрев на наставника. Пётр Анатольевич наклонился вперёд, его карие глаза смотрели как будто в самую душу.

– Я не умею читать мысли. Но я постараюсь помочь, если это будет в моих силах, – произнёс наставник, не прерывая взгляда. Иван сидел, как замороженный, не зная, с чего начать. – Твоей семье нужны деньги?

– У меня нет семьи, только я, – еле слышно произнёс Ваня, опуская глаза и сжав кулаки, всеми силами борясь с подступившими слезами. Ещё не зажившая рана в его душе вновь стала кровоточить, причиняя невыносимую боль.

– Что? По нашим сведениям, ты живёшь со своими биологическими родителями, – не поверил мужчина, внимательно наблюдая за ним.

Иван поднял голову, глаза предательски покраснели, но голос оказался неестественно твёрд:

– Они развелись. В конце учебного года.

– Прости. Сведения о новых учениках у нас приходят под Рождество, тогда и идёт утверждение подходящих кандидатур. В дальнейшем мы только рассылаем приглашения по месту жительства. Вам с мамой нужна материальная помощь? Твой папа вас навещает, выплачивает алименты?

Иван покачал головой, вновь уставившись на свои колени.

– Я больше его не видел. Мы отказались от алиментов. Мне нужны деньги на содержание квартиры. Может, есть что-нибудь для отличников? Я постараюсь. Или в счёт моей будущей зарплаты, под проценты.

Пётр Анатольевич поражённо взирал на студента:

– У нас есть фонд помощи студентам, ты можешь не волноваться, мы будем перечислять необходимую сумму. Скажи, если не вспоминать про квартплату, вам с мамой хватает на еду и одежду?

– Её нет, – сухо перебил юноша. – Она умерла.

Он не заметил, как побледнел преподаватель, как сжались его руки на подлокотниках кресла, как окаменело лицо...

– Когда? – тихо спросил Пётр Анатольевич.

– В конце июля. У неё случился инфаркт.

И они сидели в тишине, каждый думая о своём, пока наставник не взял себя в руки и не проводил его до двери, заверив, что деньги обязательно перечислят.

– И где ты был? – требовательно спросил Андрей, когда друг вернулся в каком-то подавленном настроении.

– Разговаривал с Петром Анатольевичем, – стараясь придать своему голосу беззаботность, ответил Ваня.

– Просто так? – отвлёкся от компьютера Никола, в глазах блеснуло плохо скрываемое любопытство.

– А что тут такого? – недоумённо спросил Ваня, беря с тумбочки недочитанную книгу.

Какое-то время Андрей изучающе смотрел на него. За окном начал покрапывать дождь.

– Ты в городе тоже ходил в гости к учителям? – всё-таки не выдержал однокурсник, скептически изогнув одну бровь.

Ваня посмотрел на него поверх книги:

– Я просто уточнил про стипендию. Не знаю, как вам, но мне эти деньги будут не лишни.

Этот ответ вполне удовлетворил друзей, вернувшихся к своим занятиям. Однако сам Иван никак не мог сосредоточиться на книге, уже в пятый раз перечитывая одно и то же предложение. Он всё прокручивал в голове состоявшийся разговор с наставником. Действительно ли Пётр Анатольевич ему поможет? А если нет или баронесса не согласится на дополнительные расходы, то сколько надо задолжать коммунальщикам, чтобы выселили за неуплату? полгода? год? Конечно, бабушка Марфа не допустит этого, но он чувствовал себя неловко, вспоминая, как сильно обременил добрую старушку.

Вспыхнул свет – это Андрей дотянулся до выключателя. На улице совсем стемнело. «Разверзлись хляби небесные» – как говорила в такую погоду бабушка Кати. Дождь хлестал вовсю, для полного счастья не хватало лишь грома и молний.

– Вот тебе и засушливая осень, – философски заметил Андрей, опять разлёгшись на кровати.

– А с какой это радости ты решил, что осень будет засушливой? – Никола отодвинул от себя ноутбук, решив, что на сегодня позанимался достаточно.

– Синоптики обещали, для всего нашего региона, – пожал плечами парень, кинув очередную взгляд на окно.

– Может в городе и сухо. Здесь как-никак горы, – со знанием дела ответил Николай.

– Никола, а ты в курсе, кто наши учителя? – ни с того ни с сего спросил Ваня. – Ты знаешь их фамилии, титулы? Они, наверное, все родовиты.

– Почему все? – не согласился юный граф. – Захар Епифаныч, например, до открытия академии служил старшим конюхом у Златовых.

– Не может быть! – заинтересовался Андрей. – А я слышал, что у старшекурсников он курирует одно из направлений.

– Всё верно, – согласился Никола. – Баронесса доверила ему обучение тех, кто выбрал торговлю.

– Но как он может обучать тому, чего не знает? – удивился Ваня.

– Ну почему же? Он вырос в семье лавочника и лично занимался покупкой и продажей лучших лошадей у баронессы. Кроме того, я, кажется, уже говорил, что направления нам предстоит осваивать преимущественно самостоятельно. Такова политика академии.

– Ладно, а другие преподаватели? – с нетерпением воззрился на него Андрей.

– Евгений Денисович Ласточкин, насколько нам известно, из обычных. Если не ошибаюсь, он сюда приехал сразу после вуза, баронесса нашла его по объявлению. Курирует юриспруденцию. Кажется, отец говорил, что он даже заочно учился первый год, чтобы взять это направление.

– Единственный нормальный учитель, – прокомментировал Андрей.

– Не скажи, – не согласился Никола. – Хлебников Валерий Кондратьевич имеет звание мастера по фехтованию и до академии активно занимался политикой. Вроде даже был заместителем главы города по социальным вопросам и до сих пор продолжает занимать какую-то должность. Если не ошибаюсь, он зам по культуре.

– Это невозможно! – не поверил Ваня. – Он же должен тогда жить в городе.

– Не обязательно, – возвратил Никола. – Тем более он каждый вторник и пятницу в город ездит, а иногда и на все выходные уезжает. Баронесса говорила, что барон Хлебников для своих подопечных организует летнюю практику. Кстати, я заметил, что у Евгения Денисовича уроков нет в те же дни. Держу пари, что он тоже в город с бароном ездит.

– Такое ощущение, что ты здесь учишься не первый год, – то ли восхищённо, то ли подозрительно промолвил Андрей.

– Просто я постарался узнать как можно больше об академии и преподавателях, когда понял, что мне предстоит здесь учиться, – скривился Никола, бросив грустный и даже чуть презрительный взгляд за окно.

– А что ты знаешь о наставниках? – продолжил расспрос Андрей.

– Васильева Анастасия Дмитриевна является баронессой, их семья так и осталась в Сибири, даже после амнистии. Бабушка Златова лично занималась её воспитанием.

– А Пётр Анатольевич? – не удержался Иван.

Николай несколько мучительных минут смотрел на него, после чего как-то загадочно ухмыльнулся и начал:

– Пётр Анатольевич тоже является воспитанником баронессы. Сколько себя помню, он жил в их семье. Отец и баронесса утверждают, что он граф Климов, но я так и не смог отыскать его род в родословной дворянских родов. Точнее, я встретил кучу дворян с такой фамилией, но вот титулованных среди них не обнаружил, даже баронов. Конечно, может быть его просто нет в списках...

– И ты каждого так по родословной пробиваешь? – нахмурился Андрей.

– Естественно, – горделиво ответил шатен. – Я предпочитаю знать, с кем имею дело.

– И о нас ты тоже всё заранее узнал? – не веря ушам, уточнил Ваня.

Повисла неловкая пауза. Никола с искренним недоумением смотрел на друзей, не понимая, почему обычная, принятая в их кругах, формальность, вызвала такой негатив. Такое ощущение, будто они подозревают его в шпионаже. Положение спас разнёсшийся по коридорам негромкий звон колокола, служащий напоминанием о скором ужине.

Глава 12. Первые трудности

Воскресенье прошло незаметно. Весь день лил дождь, поэтому они даже на улицу не смогли выйти. Нетбук Андрея давно разрядился, и единственное дело, которое смогли найти ребята, была игра в карты, которые так удачно обнаружились у второкурсников. Оказалось, что игра на деньги или желания была излюбленным занятием студентов по воскресеньям и грозила стать уже традицией за отсутствием других развлечений. Ваня, не имевший при себе практически ничего, просто наблюдал, пытаясь запомнить правила новой для себя игры в «Храп». Андрей, Данила и Игнат сразу включились в игру. Первые пять конов игроки провели без денег, обучая новеньких, после чего игра пошла «по-серьёзному». Николай, минут пять понаблюдав, куда-то испарился. Также здесь не было Шафирова и Внукова. Невзначай расспросив Озерова, они узнали, что его товарищи предпочитают шахматы, и сейчас наверняка разыгрывают очередную партию в комнате барона.

Николы не было до обеда. Вернулся он с какой-то потрёпанной от времени книгой и до самого вечера был недоступен для друзей, погружённый в чтение. Иван тоже спустился в библиотеку и выбрал себе книгу по геральдике, решив найти герб своей семьи и перерисовать его, чем и занимался до самого ужина. Андрей по-прежнему пропадал в комнате Сомова, играя на деньги со старшими товарищами.

В понедельник дождь так и не утих, и они с зонтами, стараясь не поскользнуться и не увязнуть в грязи, неспешно спускались к конюшням. Игнат громко сетовал на погоду. Захар Епифаныч ждал их в воротах.

– Сегодня я покажу, как правильно ухаживать за копытами своей лошади, – с воодушевлением начал мужичок.

Сзади слышался скупающий вздох Ветрова, который явно предпочёл бы остаться в тёплом здании, нежели слушать о чистке копыт.

– Я прошу написать, кто чем любит заниматься в свободное время и как вы провели эти выходные, – раздавая двойные листочки, дал задание Пётр Анатольевич на своём уроке во вторник.

Данил с Игнатом переглянулись, вид у обоих был несколько смущённым: они понимали, что вряд ли наставник одобрит игру в карты, да ещё и на деньги. Андрей же, как ни в чём не бывало, придвинул листок и начал писать. Однокурсники, в том числе и Ваня, были восхищены его уверенностью и просто железным спокойствием. Никола, ни на кого не отвлекаясь, тоже принялся за сочинение. Друзья так и не узнали, где он полдня пропадал.

Иван посмотрел на свой чистый листок и задумался. А действительно, что он любил делать дома? В выходные и праздники обычно отец выпивал, и мальчик почти весь день проводил на улице или в гостях у Кати. В каникулы он читал то, что задавали по школьной программе, старался больше помогать маме по дому или вместе с Катей помогал бабушке Марфе на даче. Старушка очень дорожила садовым участком в шесть соток. Старый, со ставнями, покосившийся домик стоял, наверное, ещё с царских времён. В маленьком огороде был разбит настоящий сад: здесь росли и яблони, и сливы, и черноплодка, и вишня и даже ирга, которую Ваня очень любил. С дачей было связано множество лучших детских воспоминаний! Мама с десяти лет разрешила ему туда ездить, несмотря на недовольство отца. Это был единственный раз на памяти мальчика, когда мама проявила такую твёрдость, уверенная, что сынок должен дышать свежим воздухом, и раз своей дачи у них нет, пусть ездит к школьной подруге. Так как они с Катей были всегда вместе, мама к тому времени отлично знала бабу Марфу и не волновалась за него. Ване даже казалось, что она была рада, что он летом чаще на даче, чем дома. Там Ваня научился вскапывать грядки, рубить ветки, поливать и многое другое. Они с Катей

собирали в лесу грибы, ходили на рыбалку, купались в реке... А год назад он даже сам перестроил крылечко...

– Эй, хочешь до ночи здесь просидеть, философ? – прошипел сзади Андрей, незаметно толкнув его в спину.

Ваня, поглощённый воспоминаниями, только сейчас осознал, что бездумно грызёт ручку. Встряхнув головой, он принялся за работу.

«В свободное время я обожаю читать...» Конечно, это было не совсем правдой, но не писать же, что любит работать в саду, красить бочки и заниматься починкой протекающих крыш и полусгнивших заборов. Ещё чего доброго отправят на хоздвор помощником Прохору Степановичу, – ребята вообще засмеют...

На фехтовании их разделили на пары. Так как предыдущий урок был посвящён истории фехтования на Руси и в зарубежных странах, деление вызвало настоящий восторг. Все с предвкушением ждали своего первого практического занятия. Ваня оказался в паре с Андреем, Николу поставили с Игнатом, так как только у них были кинжалы. Данила к своему восхищению, граничащему со страхом и трепетом, понял, что будет фехтовать лично с Валерием Кондратьевичем. Однако тренер быстро остудил их пыл:

– Надеюсь, вам не составит труда запомнить своего партнёра, – как всегда с некоторым пафосом и лёгким превосходством, произнёс барон Хлебников. – В этом году ваши тренировки будут исключительно с манекенами. Мы посмотрим основные блоки и атакующие удары, вы научитесь правильно использовать своё оружие.

– И стоило нас делить? – разочарованно проворчал Данила.

– Извольте повторить, сударь.

Волков покраснел до корней волос под строгим взглядом преподавателя. Он не думал, что мужчина его услышит, однако нашёл в себе храбрость ответить:

– Зачем вы нас разделили, раз не разрешаете драться друг с другом?

– Для начала вы должны усвоить, что владеете настоящим оружием, которое способно нанести серьёзную травму, особенно в неумелых руках, и даже убить. Думаю, вы понимаете, что нам не нужны несчастные случаи. Работать в парах вы начнёте со следующего года, сейчас же вы должны помогать своему партнёру, научиться видеть его ошибки и слабости в обороне. Вы должны осознать, что тренировка с сильным партнёром поможет вам добиться большего мастерства, и уметь тактично указывать партнёру на его слабые стороны. И лишь на третьем курсе мы будем устраивать показательные бои, когда вы, я надеюсь, овладеете основами фехтования.

– Мы тоже будем участвовать? – затаив дыхание, спросил Игнат.

– У вас более специфическая программа, – перевёл взгляд на него Валерий Кондратьевич. – Вы в основном будете работать поодиночке. К сожалению, ваш кинжал не настолько сбалансирован, как у графа Муравьёва, – одобрительно посмотрел он на Николу, – но, тем не менее, вам на третьем курсе предстоит освоить искусство метания кинжала в мишень. Это умение более важно, и зачастую при нападении спасало купцу жизнь: ведь кинжал проигрывает мечу при ближнем сражении.

– Ясно, – чуть расстроено промямлил Игнат.

Данила тоже приуныл. Он быстро понял, что раз партнёра у него нет, то тренер будет придираться к нему больше, чем ко всем остальным, указывая на самые пустяковые ошибки.

Уроки стали значительно сложнее. Если первые занятия были ознакомительными, то теперь они выходили из кабинетов с распухшими от новой информации головами и горой домашней работы. Правда практически все задания по этикету, истории и фехтованию заклю-

чались в поиске информации по определённому роду, традиции или боевому манёвру, но это жизни не облегчало. Благо Никола всегда знал, в каком разделе что искать.

После ужина, а зачастую и в любую выдавшуюся свободную минуту, ребята пропадали в библиотеке, конспектируя заданную информацию. К счастью, по информатике они всё успевали в классе, и только Никола уходил с очередным заданием по отработке умений печатать. В то время как Николай пытался освоить обычный блокнот, они разбирались в тонкостях работы с Word, составлением схем, таблиц и диаграмм.

Захар Епифаныч каждый урок напоминал о необходимости как можно чаще общаться со своей лошадью и даже обещал в начале октября устроить им конную прогулку вокруг посёлка, если все смогут без его помощи оседлать лошадей.

Дни мчались с бешеной скоростью. Вот, кажется, они только приехали, а уже конец сентября.

В карты играть им не запретили, хотя Игнат додумался написать о них в сочинении, сдав и друзей, указав, что играли не просто «ради интереса». В результате наставник целый урок посвятил чтению морали, посоветовав найти более достойное развлечение.

– Карты были слабостью многих представителей дворянства, – в конце своей часовой тирады произнёс Пётр Анатольевич. – Известны случаи полного разорения: не зря карточный долг называют «святым». Если человек отказывался платить, он лишался самого главного – чести. Поэтому проигравшие зачастую выбирали смерть, лишь бы этот позор не пал на их семью. А вы, надеюсь, в курсе, что самоубийство – самый страшный грех, который может человек совершить в этой жизни, каковы бы ни были причины...

Мужчина обвёл серьёзным взглядом притихших студентов и задержался на Иване:

– Я вас не осуждаю, но я хотел бы в следующий раз увидеть больше искренности в ваших сочинениях. Только тогда я действительно буду вашим наставником и смогу помочь избежать или исправить более серьёзные ошибки. Берите пример с Игната.

Ваня чуть покраснел. В голосе мужчины были осуждающие нотки и даже разочарованные. Решившись, Ваня поднял глаза, но наставник уже отвернулся. Тогда юноша дал себе слово как можно больше времени проводить в библиотеке, ведь он всё сочинение писал только о книгах – естественно наставник ему не поверил, тем более наверняка честный Игнат указал в своей работе и его. А ведь Пётр Анатольевич обещал помочь ему с деньгами, и он действительно мог бы быть немного откровенней, а не стараться себя обелить.

Так, мучаемый угрызениями совести, Ваня почти не воспринимал новую тему, к объяснению которой перешёл учитель.

Глава 13. Ночные посиделки

На подоконнике самого дальнего окна библиотеки, скрытый от посторонних глаз рядом книжных шкафов, с большим томом в руках Ваня проводил уже третьи выходные. За это время он узнал довольно много о традициях исконно русских семей и укладе дореволюционного общества. Друзья не понимали его одержимости учёбой, и они даже как-то отделились друг от друга. Никола каждое воскресенье куда-то загадочно исчезал, Андрей продолжал играть в карты со старшекурсниками. Правда, если выдавалась хорошая погода, они не упускали возможности прогуляться к конюшням или по территории посёлка. Но вот дожди случались намного чаще.

Уже с полчасца Ваня задумчиво смотрел в окно, за которым опять крапал дождик. Ветряные мельницы, стоящие выше по горе, где всегда дует ветер, сегодня работали просто с бешеной скоростью, деревья, почти сменившие свой наряд, сильно гнулись под налетающими порывами ветра. Однако юноша, казалось, всего этого не замечал. Книга на его коленях была раскрыта где-то посередине, Ваня бездумно придерживал страницы, чтобы те не перелистнулись.

Он думал. Думал о своей прошлой жизни, которая сейчас казалось чем-то нереальным. С развода родителей всё пошло кувырком...

– Эй, Соколов, ты здесь?

Словно сквозь вату услышал Ваня, как кто-то его ищет. Отгоняя воспоминания, он положил закладку, оставил старинный фолиант на подоконнике и вышел из лабиринта шкафов.

– Привет, – равнодушно бросил он.

– Да виделись, вроде, – усмехнулся Илья.

Порывшись в карманах, третьекурсник извлёк на свет чуть помятый конверт.

– Это тебе. Только смотри, не показывай Муравьёву. Придёшь – тебе всё объяснят.

Ваня недоумённо забрал письмо. Душу охватило разочарование: завидев конверт, он на какое-то мгновение решил, что он от подруги. Хотя, конечно, Катя не могла знать адреса академии...

Заговорщически подмигнув, Озеров скрылся в дверях. Чуть помедлив и с уверенностью, что старшекурсники над ним пошутили, Иван вскрыл неподписанный конверт и прочёл записку, что лежала внутри:

«Барон Александр Вениаминович Шафиров приглашает Вас в свои апартаменты к 23:00. Просьба не опаздывать»

Перечитав приглашение несколько раз, Ваня так и не понял, с какой радости пригласили именно его и почему это надо держать втайне от Николая. Однако любопытство взяло верх, и он решил пойти на эту загадочную встречу.

Как назло, день тянулся мучительно долго. Устав читать, Ваня решил навестить Ночку, тем более дождь вроде бы стих. У самых дверей он столкнулся с Николой, вернувшимся с очередного тайного похода.

– Привет, ты куда? – как ни в чём не бывало, весело спросил друг. После своих загадочных отлучек он всегда приходил в приподнятом настроении.

– В конюшни, – честно ответил Ваня. – А ты где был?

– Гулял, – беззаботно откликнулся Николка, передумав раздеваться. – Пошли вместе, я что-то давненько не навещал Ворона.

Ваня не стал возражать, хотя про себя ухмыльнулся. Он отлично знал, что друг бывает у своего коня чуть ли не каждый вечер, а вчера так и вовсе полдня в конюшне провёл, расчёсывая своего любимца. Чтобы не быть несправедливым к остальным студентам, Захар Епи-

фаныч запретил седлать Ворона и только разрешал Николе выводить коня в загон, но и этой привилегии друг был безмерно рад и никогда не упускал такой возможности.

Как только они вошли в конюшню, белоснежный скакун приветственно заржал, а Ночка дружелюбно закивала головой. Сердце юноши ликующе забилося: он был счастлив, что лошадь так быстро к нему привязалась, и очень любил проводить время, ухаживая за своей питомицей и разговаривая с ней.

– Привет, красавица, – доставая из кармана куртки припасённый с обеда кусочек рафинада, поспешил он к своей любимице. – Скоро мы вместе поедem на прогулку. Ты же будишь вести себя хорошо? Захар Епифаныч обещал, если будет хорошая погода...

Как ни странно, они очень редко сталкивались в конюшнях с другими курсами. Несколько раз они заставляли Шафирова и Внукова, но те при их появлении довольно быстро уходили.

Ваня, не прекращая гладить Ночку, посмотрел на друга. Никола, как всегда, оживлённо вертелся вокруг своего жеребца, что-то вполголоса рассказывая ему. Ворон, грациозно наклонив голову, сопел от удовольствия, а, может быть, что-то поддакивал на своём языке. Ночка ткнулась ему в плечо головой. Отвлёкшись от своих мыслей, Ваня улыбнулся кобыле и потрепал её за ухом.

Вернулись они только к ужину. Узнав, что друзья были в конюшнях без него, Андрей насупился, но промолчал, поглощённый какими-то своими размышлениями. Подали гречневую кашу со свекольным салатом и чай с баранками, которые были здесь традиционным лакомством и подавались к каждому чаепитию. Иногда повара баловали их блинами, а по праздникам и пышными пирогами. Правда Ваня пока не разобрался, как эти праздники вычисляются: пироги могли испечь и в выходные, и в будни по какому-то своему особому календарю.

К одиннадцати часам Никола давно спал. Нервничая, Ваня тихо оделся и выскользнул в коридор. Потоптавшись несколько минут у двери, Ваня чуть удар не получил, когда услышал за спиной голос Андрея:

– Стучи уже, не то, чего доброго, опоздаем.

Замерев, словно его поймали за чем-то очень нехорошим или постыдным, Ваня загнанно обернулся.

– Я тоже приглашён, – снисходительно произнёс одетый с иголочки друг и, видя ступор однокурсника, сам подошёл и уверенно постучался.

Услышав разрешение войти, Андрей первым ступил в покои барона. По планировке комната оказалась точно такой же, как и их спальня. Отличие было только в том, что здесь стояла лишь одна кровать, а не три, и тумбочка тоже оказалась в единственном экземпляре. Зато имелись письменный стол и огромное, во весь рост, зеркало на стене. Кроме того, стену украшали изображения гербов и чьих-то родословных.

– Добро пожаловать в мои скромные апартаменты, – указав тростью на ковёр, поприветствовал их хозяин комнаты.

Сам Шафиров восседал на кровати, словно царь. На единственно стуле, повернув его спинкой вперёд, сидел Внуков Антон. Остальные полукругом разместились на пушистом ковре. Здесь были все старшекурсники и, к удивлению Вани, Данил. Однокурсник не скрывал гордости по поводу того, что оказался приглашён в столь почтенное общество. По всей видимости, Игната сюда не позвали.

– Рад приветствовать всех вас, мои друзья, на нашем собрании. При первой встрече мы обсудили и выбрали самые достойные кандидатуры из поступивших в этом году, – со значением обвёл он взглядом приглашённых первокурсников. – Это огромная честь для вас.

– Мы хотим задать вам несколько вопросов, – лениво и как-то отстранённо пояснил Антон, не отрывая взгляда от единственной горящей свечи, стоявшей на тумбочке.

Ваня непонимающе оглянулся на Андрея, но тот спокойно слушал выступление старших товарищей, как будто знал, о чём они говорят, или догадывался.

– Вы уже достаточно здесь прожили, чтобы понять, что мы все должны держаться сообща, помогать друг другу, когда закончим учёбу. У нас будет настоящая власть, и мы можем изменить к лучшему не только свою жизнь, но и нашу общую любимую Родину. Наше государство должно стать сильным и независимым, каким было до революции.

– А это возможно? – скептически осведомился Андрей.

– Да, – без сомнений заявил барон, оценивающе посмотрев на первокурсника, и веско добавил, – если мы вновь вернёмся к монархии. Если власть не будет сменяться каждые несколько лет, а будет править один самодержец, и передаст своё дело ни кому-нибудь, а собственному сыну, а тот, в свою очередь, своему сыну... Тогда у царя или императора будет ответственность за нашу страну и он будет стремиться укрепить её границы, сохранить богатства, и будет по-отечески заботиться о народе. Это возможно, и это в нашей истории уже было. Русь всегда была сильным и могущественным государством.

– И как вы предлагаете проверить эту афёру? Сейчас абсолютно другое время.

– Прогресс мы не отменим, – согласился барон. – Но я и не предлагаю отказываться от благ цивилизации. В Великобритании, например, традиции вполне мирно уживаются с прогрессом. Но наш царь должен обладать полной властью, а не только быть внешней атрибутикой изживший себя старины. Наша страна будет действительно сильной только при абсолютной монархии.

– Так вы хотите, чтобы президентская власть стала наследственной, и больше не было никаких выборов? – не понял Иван.

Шафиров наградил его высокомерным взглядом:

– Неужели вы считаете, что наш президент достоин такой чести? Само это слово «демократия» говорит о том, что нашей страной давно завладели демоны, они украли её у законного правителя и растлили. Новый царь должен быть наших кровей.

– Уж не себя ли ты имеешь в виду? – иронично осведомился Андрей.

– Возможно, – уклончиво ответил барон. – Однако есть и более достойные кандидаты, в которых течёт великокняжеская кровь.

– Я слышал, Вяземский не стремится занять этот пост. А директриса говорила, что других князей в России не осталось.

– Да, но у последнего князя есть дети, – веско заметил Кирилл. – И старшему скоро тридцатник.

– К тому моменту, как мы закончим учёбу и наладим связи в Москве, он вполне будет способен участвовать в выборах, даже возрастную планку понижать не придётся, – поддержал однокурсника Вася.

– И вы думаете, он сможет победить на выборах? – Андрей скептически хмыкнул.

– Выборы можно и сфальсифицировать, – ничуть не смутился барон. – А потом лишь останется протащить законопроект о безвременной и наследственной власти.

– Его не поддержат.

– Поддержат, – уверенно сказал молчавший до сих пор Илья. – Если нам удастся убедить в этом московское дворянство. Вы просто ещё не знаете, насколько сильно их влияние в Думе.

Наступило молчание. Барон, повернувшись к тумбочке, что-то достал из неё.

– Теперь вы знаете достаточно, чтобы принять решение, – Шафиров ещё раз пристально посмотрел на новеньких. – Это решение навсегда изменит вашу жизнь. Вы будете причастны к возвращению монархического строя на Руси. Вы войдёте в Новую Думу. От вас будут зависеть судьбы миллионов людей! Или же вы можете сейчас уйти и на всю жизнь остаться пешкой у власти. Выбор за вами, никого принуждать мы не собираемся.

– А почему вы не пригласили Николая? – задал мучавший его вопрос Ваня.

– К сожалению, это было исключено, – с показной грустью вздохнул юный барон. – Ваш друг сильно оторван от реального мира. Проучившись здесь уже больше двух лет, мы отлично узнали древнее дворянство, получившее с детства «подобающее» воспитание. Они свято верят, что теперешняя власть дана нам за грехи наших предков, взлелеявших идею революции. Пока они стараются вернуть в массы христианскую идеологию и возрождают храмы, произойдёт ещё с десятков дворцовых переворотов. Они уверены, что Иван-царевич свалится им с небес! Муравьёв ни за что не пойдёт против идеологии своей семьи. Скорее наоборот, он встанет на защиту теперешней власти. Поэтому он ничего не должен узнать о нашей беседе. Мы должны опираться на новое дворянство, к которому относимся сами.

– Я не расскажу ничего Николе, но это не для меня.

И, несмотря на недвусмысленный жест друга, который попытался его остановить, с силой схватив за запястье, Ваня вырвал руку и вышел из комнаты.

– Жаль, – сказал кто-то вслед.

Глава 14. Листопад

Ваня сдержал своё обещание и ничего не рассказал Николаю о воскресной ночной посиделке. Андрей вёл себя, как ни в чём не бывало и, если бы Ваня не видел его собственными глазами на тайном собрании, ни за что бы не подумал, что у друга есть от них секреты. Такое поведение одновременно восхищало и настораживало. Впервые он видел человека, столь искусно умеющего скрывать свои истинные намерения. А знают ли они вообще Князева?

Данил теперь ходил напыщенный, словно индюк. И всё бросал на старшекурсников многозначительные взгляды, пока кто-то из них не завёл его тихонько в пустой кабинет и не охлаждал его пыл. После этого Волков стал сдержанней, но всё равно у него на лбу было написано, что он знает некую важную и ужасно секретную тайну.

К сожалению, в понедельник опять пошёл дождь, и Захар Епифаныч отменил запланированную прогулку. Зато по очереди позволил вывести лошадей в загон и оседлать. Убедившись, что все справились с упряжью и не забыли с предыдущего занятия, как держаться в седле, он удовлетворённо хмыкнул и велел распрягать лошадей и заводить обратно в стойла, чтобы не мокнуть под усилившимся дождём. После они приступили к привычному уходу за своими подопечными, а чтобы время не прошло даром, Захар Епифаныч стал рассказывать им об липицианской породе.

Зато в пятницу после обеда, когда у них был второй на неделе урок верховой езды, погода выдалась великолепной. Уже несколько дней она стояла сухая и тёплая, неизвестно откуда налетели на окна стаи божьих коровок, листва берёз окончательно пожелтела и начала опадать.

– Вот как погодка нас радует. Бабье лето наступило! – воодушевлённо встретил их Захар Епифаныч, выводя за поводья свою уже осёдланную кобылу. – Седлайте своих скакунов, да поживей, мы до заката вернуться должны.

Взбудоражено переговариваясь, молодые люди отправились к своим лошадям. Справились достаточно быстро, даже несмотря на то, что Игнат слабо затянул подпруги и инструктор заставил его полностью расседлать Ромашку и начать с самого начала. Когда все студенты забрались на своих лошадей, Захар Епифаныч удивительно резво для своих лет вскочил на свою кобылу и, велев Николаю замыкать процессию, неспешно двинулся к тропинке, плавно спускающейся к реке.

Несмотря на неуверенность и неопытность седоков, лошади сами, как по команде, вереницей пошли друг за другом, следуя за бурой клячей.

– Это Вилюйка, – произнёс Захар Епифаныч, с любовью глядя на речку. – Здесь её легко можно перейти вброд, но сейчас вода уже ледяная. А вот летом река довольно хорошо прогревается, несмотря на то, что является горной. У устья она похожа на колосок – со всех скал ручейки её кормят. Раньше там поселение было, от них название и пошло. Точней, в переводе с их языка. Прозвали её так оттого, что она постоянно виляет между камней-то и гор, – он сбавил ход, любуясь прозрачной быстрой рекой, словно видел её впервые. – И гора наша называется Златовкой с незапамятных времён, ещё до того, как эта земля стала принадлежать баронам Златовым. Назвали её так, потому что на ней практически не растёт хвойник, а одни берёзы, и осенью она всегда золотом украшается. Алтынка, по-местному.

Они не спеша ехали по тропинке вдоль берега, а Захар Епифаныч всё рассказывал. Златовку окружали более высокие горы – Медвежка, Кедровка и Каменка. В Каменке, по словам преподавателя, было много пещер, состоящих из нескольких залов. А на скрытом с другой стороны горы обрыве можно было увидеть пещеры с балконами.

– Конечно, это очень опасно и, надеюсь, вы понимаете, что одним идти туда запрещено, – сурово посмотрел на них конюх. – Однако Пётр Анатольевич любит устраивать прогулки

к находящемуся с той стороны Каменки озеру, с берега которого можно полюбоваться скалой. Если весна будет тёплой, вы обязательно там побываете.

– А почему не сейчас? – поинтересовался Иван.

– Пётр Анатольевич сейчас очень занят. Кроме того, погода вряд ли продержится дольше двух недель, и про дальние поездки придётся забыть.

– А у других курсов уже были прогулки туда?

– К сожалению, в этом году выходные не хотят радовать нас хорошей погодой, – расплывчато ответил Андрею Захар Епифаныч.

Они повернули на главную дорогу, поднимающуюся к самой академии. Вскоре дошли до конюшен, расседлали и привели в порядок своих лошадей. К их удивлению, время уже близилось к ужину.

Весь вечер первокурсники с энтузиазмом делились своими впечатлениями от первой конной прогулки. Даже Никола, с детства сидящий в седле, был в приподнятом настроении.

– Как вы думаете, в понедельник мы опять будем ездить верхом? – как бы между прочим спросил Данил.

Они всем курсом собрались в библиотеке под предлогом выполнения домашнего задания. Анна Константиновна, разбив их на две группы, велела перечертить на ватман генеалогическое древо династии Рюриковичей, указывая года жизни и правления великих князей и царей. Баронесса заявила, что в каждой комнате просто обязаны висеть плакаты династий наших великих государей и к концу года они должны будут как «Отче наш» знать историю родов, появившихся до великой Смуты, и, в первую очередь, великокняжеский род. Тут-то они и припомнили, что несколько недель назад наблюдали за вторым курсом, выполняющим похожее задание. Правда, старшие товарищи корпели уже над Домом Романовых. И хотя впереди были целые выходные, решено было заняться работой после ужина, тем более это была замечательная возможность обсудить сегодняшний день.

– Ну, может быть, если погода не подведёт, – раздумывая над открытой книгой родов, ответил Андрей.

– Надеюсь, – как всегда с долей юмора возразил Никола. – Теперь до Рождества нас ждут лишь утомительные тренировки в виде езды по кругу в загоне. А дальше, коль никого лошадь не сбросит, будут учить торжественной поступи да преодолению низких барьеров. Сомневаюсь, что кобылы обучены, так что этого нам до конца учёбы хватит.

– Ты серьёзно?

Какое-то время шатен сочувственно смотрел на их вытянутые и разочарованные лица, после чего не выдержал и рассмеялся:

– Да нет, конечно. Но вот нормально держаться в седле, когда лошадь идёт рысью или скачет галопом, мы к концу года должны научиться. А так как загон для нас маловат, то либо Захар Епифаныч будет нас делить на подгруппы, либо мы действительно будем гулять по окрестностям при первой возможности. Думаю, второе более вероятно.

Все воспаряли духом, услышав заключение Николая. За вечер они так практически ничего и не сделали, и следующий два дня, несмотря на хорошую погоду, провели за работой.

Бабье лето подходило к концу. Земля была устлана золотистым ковром, птицы слетались в стайки, стало меньше на улице божьих коровок; учителя, кто держал огороды, уже собрали весь урожай и за их оградами чернели перекопанные грядки.

– Иоанн, задержись, пожалуйста.

Очередной урок хороших манер Пётр Анатольевич посвятил чаепитию: рассказал об истории самовара, как проходила церемония в дворянской и крестьянской семьях, как со временем менялись традиции чаепития. Ваня не совсем понимал, по какому принципу наставник выбирает тему урока: они очень редко придерживались одной темы несколько заня-

тий подряд. Обычно последующая тема была никак не связана с предыдущей, однако, стоило им разок что-то не повторить, и мужчина, будто почувствовав это, мог провести тест, контрольную или даже задать на уроке сочинение по теме, которую они проходили урока три-четыре назад. И только Николай относился к этому совершенно бесстрастно:

– Это как мозаика, – загадочно говорил друг, – вначале, вроде, ничего неясно, а в результате получается картинка.

Такое объяснение удовлетворило одного Андрея. Игнат же с Данилом, как и сам Ваня, по прежнему старались отыскать хоть какую-то логику, и даже перед уроками делали ставки, из какого раздела будет новая тема. Но любые их предположения раз за разом терпели крах.

– Можешь не волноваться насчёт квартплаты, – когда все вышли, встал из-за стола наставник. – Деньги будут напрямую перечисляться с твоей карточки. Тебе назначено пособие по утери кормильца и дополнительная стипендия. Все выплаты будут поступать на счёт, открытый на твоё имя.

И мужчина передал ему зелёную банковскую карту.

– Твои товарищи получают свои завтра утром. Я решил отдать твою раньше, чтобы без свидетелей передать это, – и он достал из кармана обычный, сложенный вчетверо, листок в клетку, где знакомым до боли почерком было выведено его имя.

Ваня, как во сне, взял письмо от подруги, пробормотав слова благодарности. Кивнув, мужчина ушёл, оставив студента в пустом кабинете.

Выйдя из ступора, Ваня неслышающими руками развернул записку. Мелкий аккуратный почерк был непривычно наклонным. Было ощущение, что подруга очень спешила.

«Ваня!!! Прости, что так неразборчиво! Ты не представляешь, что произошло! Мы с бабушкой сейчас в соцзащите, пытались выбить тебе пособие. Здесь столько документов нужно, а без тебя они вообще не хотят ничего делать! И тут появляется такой представительный мужик и идёт без очереди. Конечно, все возмущаться начали, а он даже не реагирует. В общем, мы услышали, что он про тебя что-то спрашивает... Представь, ему за пять минут всё сделали! А теперь он о чём-то с бабушкой говорит. Сказал, что если я хочу тебе что-нибудь передать, то у меня есть десять минут! Где ты?!! Я за тебя так переживала, ведь ты мне так и не написал, и адреса не оставил. Этот ваш преподаватель сказал, что у вас почты нет. Неужели такое в наш век бывает?! Вас что, увезли на Северный полюс?! У меня всё отлично. Учителя говорят, что могу пойти на медаль, если буду стараться. Жду тебя. Надеюсь, вас хоть на Новый год отпустят, а то ещё одичаете. От бабушки огромный-преогромный привет!

Катя».

Ваня грустно улыбнулся, перечитал письмо ещё раз, после чего надёжно спрятал его во внутренний карман фрака. За окном ветер взметал и кружил опавшие листья, светило солнце, одаривая природу последними тёплыми лучами. А мальчик сидел и всё глядел в окно, не замечая, как удлиняются тени.

Неужели наставник лично занимался его проблемой? Так это поэтому Пётр Анатольевич уехал на все выходные и вернулся только вчера вечером, отменив в понедельник свои уроки? Он нашёл время поговорить с бабой Марфой и наверняка всё ей объяснил. И даже дождался, пока его подруга допишет письмо...

Сердце переполняли благодарность к мужчине и внезапно нахлынувшая тоска по дому. Разнёсшийся по коридору звон колокола вывел его из раздумий. Неужели он просидел здесь почти два часа? Только теперь, оказавшись так далеко от подруги и её бабушки, он осознал, как дорожит этими, давно ставшими родными, людьми. И пусть он когда-то мечтал о счастливом и беззаботном детстве, он ни за что бы не согласился променять ту жизнь, которая у него была, на другую.

– Ты что счастливый такой? – Андрей, в течении всего ужина подозрительно наблюдавший за другом, уселся на кровать, буквально сверля его глазами. – Что наставник от тебя хотел?

– Ничего, – сказал Ваня абсолютную правду. – Просто он выполнил одну мою просьбу.

– И какую же? – тон друга был прямо-таки прокурорским.

– Да ладно тебе, Андрюх, оставь его в покое. У каждого из нас могут быть секреты, – Никола разлёгся на своей койке и включил нетбук.

– Это точно, – словно сам себе произнёс брюнет.

Повисла неловкая пауза. На несколько секунд задержав взгляд на каждом, Андрей молча вышел из комнаты. Через несколько минут, виновато улыбнувшись, Иван последовал его примеру.

К счастью, в библиотеке никого не было. Пройдя вдоль шкафов, Ваня уселся на подоконник самого дальнего окна. Отсюда открывался отличный вид на гору, впрочем, как и с любого восточного окна. Ему всё больше нравилось наблюдать, как крутятся ветряные мельницы. Он мог часами любоваться отсюда или сидя на своей кровати в их с парнями общей комнате за работой деревянных необычных строений, которых до приезда сюда никогда не видел, разве что на картинках. Растущие на склоне берёзы уже лишились большей части своей листвы и, глядя на них, становилось грустно. Ваня был не против сияющего белизной снега, лыжных прогулок и зимних забав, но уж очень не любил январскую стужу, а ведь ещё неизвестно, насколько морозной будет зима в этом году. Котельная ещё с сентября начала свою работу и, судя по рассказам старшекурсников, будет работать до конца мая. Не верилось, что так долго будут холода. Хотя, конечно, здесь горы...

Иван прильнул к окну, стараясь увидеть отсюда Медвежью гору, всю покрытую непроходимым лесом. Он так и не понял, почему вокруг сплошная тайга, а на Златовке и осинки растут, и черёмуха, и очень много берёз. Захар Епифаныч говорил, что отсюда коренные жители вырубали лес для постройки своих деревень: чем-то он им очень приглянулся, – да так, что ни одной сосны, ни одной ёлочки не осталось. Вот и стали расти берёзки. Тогда юный граф постеснялся спросить, почему именно берёзы...

В то же время, как Ваня размышлял о тайнах леса, в конюшне Андрей самозабвенно расчёсывал гриву своей Звёздочке, напевая себе под нос колыбельную, которую некогда каждый вечер пела ему мама. Он отлично понимал, что из-за недосказанности их дружба на грани распада, но не был уверен, что хочет пускать посторонних в свою душу. Он видел, что Никола, несмотря на всю кажущуюся открытость, ведёт какую-то свою, известную только ему, игру. Иначе как можно объяснить эти странные отлучки? А искренний и простоватый Ваня имеет какие-то таинственные дела с наставником. И, конечно, тот случай с Тайной канцелярией, вступить в ряды которой их двоих пригласили, не прибавил доверия в их дружбе. И всё-таки обидно, что так хорошо начавший складываться дружеский союз трёх графов с каждым новым днём всё ясней норовил рухнуть.

Над этой же ситуацией размышлял и Никола, сидевший с ноутбуком на коленях, прислонившись к стене. Он так сильно верил в их завязавшуюся с приезда дружбу, что не заметил момента, когда она начала разрушаться. Он понимал, что это неправильно, так не должно было случиться, но не видел причину, из-за которой всё теперь шло наперекосяк. Они лишились самого ценного, основы любой настоящей и крепкой дружбы – доверия. Он так безоговорочно верил своим новым друзьям, что никак не мог отойти от того взгляда, которым одарил его Андрей, от какой-то горькой недоговорённости, что осталась после ухода Ивана. До приезда сюда у него не было настоящих друзей. То есть, он очень неплохо общался со всей семьёй Златовых, но этим его нечастое общение с внешним миром и ограничивалось. Он отлично знал семьи всех представителей выжившего дворянства, но их владения были слишком далеко от их замка. Он так жаждал встречи с новыми людьми, что до сих пор пребывал в восторге

от столь удачного первого знакомства. Подумать только, их будто само провидение подтолкнуло друг к другу! Конечно, он знал от отца, представители каких семей будут учиться на их курсе, но и подумать не мог, что стоящий тогда как неприкаянный на остановке Иван окажется одним из графов. А Андрей так сам к ним подсел. И вот теперь какой-то злой рок так бессмысленно раскидывает их в разные стороны...

«А, может, Андрей прав, и это я во всём виноват? А Ваня знает, но просто не хочет меня расстраивать?» Как же не хватало сейчас мудрого совета Сиверса! Наставник всегда помогал ему разобраться в ситуации, какой бы трудной и неразрешимой она не казалась. Подумав, Никола решительно отложил компьютер.

Набросив капюшон и как можно выше подняв воротник, Николай направился в сторону скрытой за деревьями от посторонних глаз голубятни. На улице потемнело: солнце скрыли неизвестно откуда налетевшие тучи. На ветках деревьев, да и в небе, было полно грачей – вот-вот птичья стая отправится на зимовку. Ветер усиливался, срывая листья и кружа их в причудливом вальсе.

Обогнув южное крыло, Николка еле обнаружил тропинку, скрытую опавшей листвой. Голубятня показалась уже за первыми деревьями на небольшой лужайке. Рядом стоял стол, окружённый скамейками.

Смахнув рукой налетевшие на столешницу листья, Никола сел на скамейку, достал из кармана блокнот и ручку и задумался, как бы лучше обрисовать ситуацию своему учителю. В это время сильный порыв ветра смёл, казалось, все оставшиеся на деревьях листья, взметнув их высоко в небо. В это же мгновение раздался птичий крик и грачи, как по команде, поднялись с веток. Пожухлая листва всё кружила в воздухе, ветер не давал ей опуститься на землю, в небе кружилась огромная чёрная стая. Как замороженный Никола смотрел на птиц, которые стали выстраиваться клиньями. Вот первая группа устремилась на юг, за ними полетел второй клин, третий... И вот уже птицы летят сплошной тучей, оставляя родные края. А ветер всё играл с опавшей листвой, то взметая её до верхушек деревьев, то низвергая на землю.

– Улетели грачи, – как-то печально промолвил юноша, провожая взглядом ещё виднеющуюся над горизонтом чёрную полосу.

Внезапно его осенила мысль, как спасти их, казалось, потерянную дружбу. С какой-то неясной тоской, что появлялась каждый раз, когда он видел конец листопада и улетающих птиц, Никола наблюдал за летящими листьями. Он всегда хотел быть в центре этого осеннего буйства, но обычно вынужден был за всем наблюдать из окон замка, да и не каждый год природа одаривала таким чудом. Бывало, в тихую осень, последние листья и с первым снегом слетать не спешили.

Он не знал, что друзья тоже замерли, наблюдая это удивительное и необычное для них явление, и каждый принял точно такое же решение. А юный Муравьёв, довольный найденным ответом на мучавший его вопрос, отправил с голубем совсем другое письмо, нежели собирался:

«Мой добрый друг и учитель! Прости, что так долго не давал о себе знать. Уверен, отец давно в курсе моих приключений. У меня появились замечательные друзья, я всеми силами стараюсь освоить компьютер. Надеюсь, отец не сердается, что я почти не уделяю времени Ангелине, но, признаться, время здесь течёт намного быстрее, чем дома. Передай от меня сердечный привет моей милой нянюшке. Пиши, ты же знаешь, как мне вас здесь не хватает»

Глава 15. Непростой разговор

Наступили выходные. Утро субботы, как обычно, первокурсники провели в конюшне, помогая Захару Епифанчу приводить в порядок снаряжение. Через полчаса кропотливой работы, уже и Данил с Игнатом почувствовали то напряжение, которое царило в ничего не значащем разговоре однокурсников, обсуждавших недавний листопад. Теперь деревья казались мёртвыми, особенно на фоне бурной растительности окружающих таёжных гор. В воздухе витало волшебное предвкушение первого снега. Везде, но только не в этом здании.

– Вы поругались? – игнорируя предупреждающие знаки Данила, не выдержал Игнат гнетущей обстановки.

– Нет. С чего ты взял? Нет, конечно! – больше подтверждая слова однокурсника, нежели опровергая их, вразнобой стали заверять ребята.

– Это из-за Петра Анатольевича? – проницательно спросил Данил. Желание подтвердить догадку всё-таки пересилило.

– Причём тут наш наставник? – искренне изумился Иван.

Однако Андрей скептически фыркнул на его слова. Никола с недоумением переводил взгляд с одного на другого, силясь разобраться в ситуации.

– Ну, он же к тебе относится по-особенному, – обещая себе следующий раз держать язык за зубами и не впутываться в чужие конфликты, всё-таки пояснил свои мысли Данил. – Спрашивает только когда ты поднимаешь руку, за последний тест только тебе пятёрку поставил, о чём-то говорит с тобой после уроков.

– Это была честная пятёрка, – возмутился Ваня. – А оставил он меня после урока всего раз.

– У меня тоже была одна ошибка, как и у тебя. Но мне поставили четвёрку, – скрывая обиду за такую несправедливость, возразил однокурсник.

– Пётр Анатольевич сказал, что у тебя ошибка более грубая, – заступился за растерянного друга Никола. – У него была ошибка в обычном вопросе, а у тебя – на соответствие.

– Всё равно, количество правильных ответов одинаково, значит и оценка должна быть одна.

К их облегчению, дальнейших расспросов не проследовало. Оставшееся время Данил вполголоса что-то доказывал Игнату, который лишь согласно мычал время от времени. Ваня расстроенно натирал седло, припоминая уроки наставника и пытаясь понять, прав ли однокурсник в своих обвинениях? Никола утешающе похлопал его по плечу и молча вернулся к прерванному занятию, с пристрастием выискивая мельчайшие ворсинки, которые могли остаться на уздечке. Андрей слишком резко попытался счистить грязь с какой-то старой подковы, и чуть сам не травмировался, после чего стал более осторожным, но тоже молчал.

После обеда все трое, по-прежнему пребывая в безмолвии, поднялись в свою комнату. Никола, входивший последним, запер дверь на щеколду, чтобы им не мешали.

– Нам надо поговорить.

Фраза была сказана с какой-то решимостью и странным смирением. Ваня и Андрей потрясённо посмотрели на него, а затем – друг на друга: они только что собирались сказать то же самое.

– По всей видимости, не я один так думаю, – ситуация развеселила и успокоила Николая, и он первым сел на кровать, жестом предлагая друзьям последовать своему примеру.

Ещё раз переглянувшись, Андрей с Иваном расселись по своим койкам.

– Начнём по-порядку? – воодушевлённо предложил Николка и посмотрел на Андрея. – Извини, но мне почему-то кажется, что из нас троих именно ты в курсе, с чего всё началось. Кто из нас должен рассказывать первым?

– Ваня, – не ожидавший подобного вопроса, чисто автоматически ответил Андрей.

– Хорошо, – согласился Никола, предупреждаясь посмотрев на почему-то побледневшего друга. – Какие конкретно ответы ты хотел бы от него услышать?

– У меня только один вопрос: что за секреты у него с наставником? – Князев отодвинулся к стене, скрестив на груди руки и выжидательно посмотрев на друга.

Иван поёжился под этим холодным взглядом. На мгновение закралась мысль просто уйти, но он понимал, что тогда это действительно будет конец их дружбы.

– Пётр Анатольевич просто помог мне в оформлении пособий, – решившись, сказал Ваня. – Мне нужны были деньги, и я попросил его о помощи.

– И это всё? – не поверил Андрей. – Ты скрывал от нас только это?!

Ваня кивнул, почему-то его трясла мелкая дрожь, с которой он никак не мог справиться. Андрей, смутившись, отвёл взгляд. А Ваня, как в трансе, безучастно продолжил, изучая лежащий на полу ковёр:

– Я не успел оформить их в августе, да и не был уверен, что мне что-то положено. Ведь мне уже 16. А Пётр Анатольевич лично всё уладил, и даже выбил для меня дополнительную стипендию.

– Прости, я не знал, что у вас в семье так плохо с деньгами, – не глядя на него, негромко произнёс Андрей.

– У меня нет семьи.

– Как это нет? – нахмурился Николай.

– Отец ушёл от нас, а мама... Она так волновалась из-за развода... В общем, у неё не выдержало сердце.

– Она... умерла? – отчего-то пересохшими губами спросил молодой Муравьёв.

– В июле. Этим летом, – кивнул Иван.

Стало тихо. Так тихо, что Ваня отчётливо слышал своё стучащее, словно после сдачи стометровки, сердце. Неожиданно Никола встал и пересел к нему на кровать.

– Знаешь, моя мама тоже умерла. Мне тогда было одиннадцать. Но я её не очень хорошо помню. Меня воспитывала няня, бабушка Агафья, а с семи лет отец отдал меня на обучение Сиверсу. Я видел родителей только за ужином или когда мы ездили в гости. Мама помогала отцу с бизнесом, и они часто уезжали из дома. Она умерла зимой, от воспаления лёгких. Отец тогда привёз из города каких-то врачей, но даже они не смогли ей помочь.

– Соболезную, – искренне произнёс Ваня, посмотрев в полные сочувствием карие глаза друга.

– Поверь, со временем ты сможешь говорить об этом спокойно. И ты всегда сможешь на меня рассчитывать.

– И на меня, – Андрей смотрел на него открыто, без того недоверия, что было в его взгляде последнее время. Он оценил мужество друга и тоже решил быть честным.

– Наверно, следующий я, – тепло улыбнулся ему Николай. – Так чем я провинился?

Однако ответил ему Ваня:

– Нам интересно, куда ты ходишь каждое воскресенье?

– И это всё?! – от облегчения юный граф даже рассмеялся. Он уже какие только грехи себе не приписывал. – Почему вы раньше меня не спросили?

– Мы хотели, – признался Андрей, чувствуя неловкость. – Но думали, ты нам сам всё расскажешь.

– Я просто не знал, что вас это так напрягает. Если хотите, я вас как-нибудь с ним познакомлю.

– С кем? – не поняли друзья.

– Вы не обращали внимания на избушку около леса? Она очень маленькая, да и крылечко выходит на сторону склона: там небольшой огород, но отсюда его не видно. Живёт в ней

батюшка Гавриил, он служил когда-то в храме в деревне у Златовых, но лет десять назад ушёл на покой. Когда баронесса решила построить академию, он первым попросился сюда. Он редко выходит за ограду, поэтому вы его не встречали в посёлке. Мой духовник благословил меня исповедоваться у него, пока я учусь здесь.

– Что?! – в шоке уставился на него Андрей.

Никола как-то странно улыбнулся, словно находился не здесь:

– Мы с Сиверсом и бабушкой Агафьей дома каждое воскресенье ходили в церковь: молились на службе, исповедовались и причащались. Ну и, конечно, у меня есть духовник, отец Иоанн. Когда я уезжал, он благословил меня исповедоваться у батюшки Гавриила.

– И ты действительно ходишь на исповедь? – не поверил Князев.

– Ну да, – недоумённо подтвердил Никола, не понимая, что в этом такого. – А разве вы в городе не ходите в храм?

– Только по праздникам, – признался Иван. – На Рождество, Крещение, Пасху... Бабушка Марфа тоже причащается, с ней часто мама ходила. Четыре раза в год, в посты. А мы с Катей нет. Я думал, мы ещё для этого молоды.

– У тебя есть сестра?

– Ну... скорее подруга, – уклончиво ответил Ваня.

– Мою прабабушку тоже Марфой звали, – задумчиво промолвил Андрей. – Она, вроде, ходила в храм. Дедушка часто про неё рассказывал. Он тоже любил бывать в церкви: свечки ставил, за святой водой на Крещение ходил. А вообще-то, у нас в семье это не принято. Отец считает, что вера – удел стариков. Хотя меня крестили, – он усмехнулся, – «на всякий случай». Я даже крёстных своих не помню, они с нами не общаются.

– Это печально, – заметил Никола.

Иван промолчал. Он тоже не помнил своих крёстных. Тем более крёстная была только формально – коллега матери по её тогдашней работе, с которой они потом перестали общаться. Крёстным был младший брат отца. Мама говорила, что он умер, попав аварию, когда сам Ваня был ещё маленьким.

– Как понимаю, теперь моя очередь, – прекращая эту душеспасительную беседу, по-турецки уселся Андрей.

Он подробно рассказал о полученном от старшекурсников приглашении и о том, что они с Иваном от них услышали.

– Они называют себя Тайной канцелярией. Когда ты ушёл, – недовольно посмотрел он на Ваню, – Шафиров стал выпрашивать, какие направления мы выберем. Он настоятельно советовал нам выбрать политику. Они почти все у Валерия Кондратьевича, только Кирилл выбрал юриспруденцию. Наш барон уверен, что их всех после учёбы отправят сразу в Москву, по крайней мере, его – точно, а уж он в течение года перетянет и всех остальных. И уж там он обязательно убедит младшего Вяземского участвовать в выборах: у них ведь будет целых три года на подготовку! А ты, Ваня, всё-таки должен был остаться. Они уверены, что ты будешь просить принять тебя обратно, когда лучше освоишься в этом мире и поймёшь, что они правы.

– Я не хочу участвовать в смуте. И вообще, я никогда не мечтал связать свою жизнь с политикой.

– Ну, от политики ты уже не уйдёшь, – философски заметил Никола. – И, думаю, Андрей прав: тебе стоило остаться.

– И это ТЫ мне говоришь? – не поверил своим ушам юноша.

– Пойми, было бы лучше, если бы они считали тебя своим. Даже если ты, как и я, считаешь их затею безумием, знание их планов тебе не повредит, – после этого он посмотрел на Андрея. – Взрослые наверняка догадываются о чём-то подобном. Их должно было насторожить, что все повально выбирают внутреннюю политику. Шафиров не дурак, он знает, кого звать, вот только недооценил он нашей дружбы.

– Так ты знаешь, почему он не позвал Игната? – вдруг спросил Ваня.

– У Ветрова на лбу написано, что его интересует только торговля, а, значит, он нашей Тайной канцелярии бесполезен. Они ещё не придумали себе никаких опознавательных знаков или шифровок?

Ничего не говоря, Андрей достал из кармана перстень и передал Николе. Ваня наклонился, чтобы тоже разглядеть кольцо. Это была настоящая печатка. Серебряный перстень, с обратной стороны которого была выгравирована надпись «За Родину». Печать представляла собой замысловатый оттиск короны, рядом с которой были скипетр и держава – символы царской власти.

– Нас с Данилой просили не надевать их, пока мы здесь.

– Всё верно, – кивнул Никола. – Такой в магазине не купишь, он явно сделан на заказ. Даже несмотря на то, что это всего лишь кольцо, и оно не должно привлекать особого внимания, если подобную вещь будут носить добрая половина студентов, профессора явно заметят. Ты какое направление выбрать собрался?

– Я предпочёл бы записаться на внешнюю политику. Мне бы хотелось поездить по миру.

– Тогда, как минимум, тебе надо владеть разговорным английским. И не думаю, что Шафиров одобрит твой выбор.

– У меня была школа с уклоном на иностранные языки, а с нашим бароном я как-нибудь договорюсь. Он должен понимать, что без международной дипломатии его план переворота неосуществим: другие страны этого не допустят.

– Неужели ты собрался им помогать? – не поверил Иван. Андрей возвёл глаза к потолку:

– Естественно нет. Но Шафиров должен быть уверен, что я всецело предан ему, тогда мы будем знать каждый его шаг. Не думаю, что мы выиграем, если барону удастся воплотить в жизнь свой план. Сейчас в страну только вернулась стабильность, и столь резкая смена режима вряд ли пойдёт ей на пользу. Я хорошо помню последний экономический кризис, и как сложно пришлось нашей семье.

– Не одолжишь мне на недельку своё кольцо? Как я понимаю, барон намерен привлечь на свою сторону как можно больше «новых» дворян, и это своеобразный пропуск. Так что не помешает его иметь нам всем.

Андрей кивнул, разрешая забрать свой перстень.

Они ещё долго говорили о политике. Ваня с удивлением узнал, что и нынешний президент был выбран с поддержки дворян и имел благородные корни. Оказывается, уцелевшая российская аристократия сумела воспользоваться ситуацией, вовремя протолкнув своего человека. Тогда все расчёты оказались верны, и страна действительно вышла из того хаоса, в котором оказалась после развала СССР. Поднялась из руин экономика, возродилась православная вера.

– А Шафиров в курсе всего этого? – спросил Андрей.

– Современную историю они будут изучать во втором полугодии, но не думаю, что барон откажется от своих притязаний, – задумчиво ответил Никола. – Для него это победа прогнившего древнего дворянства, а не его личная. Он не понимает, что может испортить всё, чего нам удалось добиться. Мы подготовили народ: нашего кандидата избрали на третий срок, президентский срок правления увеличен вторым нашим выдвиженцем, они смогли образовать сильный тандем. Следующий шаг – сделать власть безвременной и, в конце концов, мы придём к наследованию и вернём России царя. Единственное, надо не допустить прихода к власти лже-Ивана-царевича – это может погубить всё, сделанное в последние годы.

– Но если это понимают и Вяземские, тогда ничего у него не получится, – высказал вслух свои мысли Иван, однако Никола покачал головой:

– Шафиров не так прост: у него есть и запасной вариант.

– И какой же? – изогнул бровь Андрей. – Сам будет бороться?

– Нет, вряд ли он настолько глуп, чтобы надеяться на поддержку своей персоны, хотя наверняка имеет такие амбиции. Но у него в рукаве припрятан козырь, который действительно способен собрать вокруг себя всю новую аристократию.

– Ты о Внукове? – озвучил своё предположение брюнет.

Никола молча кивнул. Ваня недоумённо переводил взгляд с одного на другого.

– Да что вы нашли в этом Внукове? – всё-таки не выдержал он.

– Не скажи, – покачал головой Николай. – Я с самого начала обратил внимание, что он держится при Шафирове тёмной лошадкой. А ведь Внуковы – тоже княжеский род. Они даже претендовали на царский трон в Смутное время, но отказались от титула в пользу Романовых. Об этом мало кому известно, но если на этом сыграть, Антон будет представлять серьёзную угрозу действующей власти. Сейчас он простой дворянин, но если он раскопал всю правду о своих корнях, то способен превратиться в серьёзную политическую фигуру. Осталось понять: чего он сам хочет добиться?

– Значит, баронесса могла не рассказать на уроке, что в нём течёт царская кровь?

– Вполне вероятно, – согласился с Андреем Никола. – Лишнего риска всегда лучше избегать. Я думаю, он сам захотел узнать больше о своём роде. Или ему в этом помог наш барон. В любом случае, им явно известно, какую угрозу для власти они представляют. И их Тайная канцелярия – прямое тому подтверждение.

– И что мы можем сделать? – с надеждой, что у друга уже готово решение, спросил Ваня.

– Пока ничего, – развёл руками Никола. – Однако если появятся идеи – говорите. Я тоже на досуге подумаю. Возможно, нам повезёт, и они ещё одумаются, когда на истории узнают истинное положение вещей. Однако я мало верю в подобные чудеса, так что придётся искать компромисс. Пока время на нашей стороне: если Вяземский не сглупит, Внуков слишком молод, чтобы участвовать на выборах. Им вначале придётся протащить закон о снижении возрастного порога на выборах или даже его отмене. Десять-пятнадцать лет это не один-два года. Вряд ли у барона в планах так долго ждать. По всей видимости, он хочет добиться власти за несколько лет. Его поспешность в результате может сыграть нам на руку.

– Удивляюсь твоему хладнокровию, – растянулся, словно кот, на кровати Андрей.

Напряжённость, которая в последние дни была просто физически ощутима, пропала без следа. Они вновь почувствовали себя друг с другом комфортно и спокойно. Почти разбитая дружба стала крепче, чем когда-либо, и теперь им действительно было, за что бороться и что терять.

Глава 16. Первый снег

То, что троица помирилась, разнеслось по школе в одно мгновение. Они только успели прийти на ужин, как поймали на себе изучающий взгляд Шафирова. Ваня очень удивился, осознав, как пристально студенты следят друг за другом. А он-то всегда считал, что только бабульки на лавочках сплетни разносят.

– Не обращайтесь внимания, он вас просто оценивает, – полушёпотом успокоил Никола, пока Данил о чём-то увлечённо спорил с Игнатом.

– В принципе, ему должно быть выгодно наше общение, – также тихо промолвил Андрей.

– С какой радости? – не понял Ваня.

– За мною следить, – со всей серьёзностью прошептал Николай. – А через меня и за остальным «древнем» дворянством. Ведь я должен быть в курсе всего, и он это прекрасно понимает.

Зашли преподаватели, и все разговоры стихли. Баронесса, как всегда, позвонила в свой колокольчик, и слуги поспешили подать кушанья.

Жизнь налаживалась. Домашние задания уже не отнимали столько времени, и в выходные они опять могли позволить себе побездельничать. Последняя неделя октября ознаменовалась их первой конной прогулкой с наставником. Была с ними и Анастасия Дмитриевна. Из её воспитанниц присутствовала лишь Ангелина, которой Захар Епифаныч оседлал Ветра.

– У нас нет верховой езды. Бабушка считает это не совсем женским занятием, – подмигнула им девушка, мастерски запрыгивая на лошадь. – Но я в седле с детства, – и, в подтверждении своих слов, она пришпорила своего скакуна.

– Девчонка не промах, – уважительно произнёс Андрей, потуже затягивая подпруги, – Я думал, она только крестиком вышивает.

– Не без этого, – хмыкнул Никола.

– А это её конь? Я думал, он принадлежит Анне Константиновне, – сам поразился неожиданной догадке Ваня, провожая взглядом серого в яблоках жеребца.

– Баронесса предпочитает кареты, как и вся женская половина Златовых, кроме Ангелии, – пояснил Николка. – Крёстный даже спорил со своей матерью по этому поводу. Он всегда считал, что никому не лишне умение хорошо держаться в седле. Вот его страсть и передалась Ангелине, хотя её сёстры к верховой езде равнодушны. Он и со мной довольно много занимался, пока мама была жива, и мы ездили к ним каждые выходные.

– Мы должны успеть до ужина, – поторопил всех Пётр Анатольевич.

Сейчас было начало первого. В честь похода, им вместо обеда подали что-то вроде лёгкого ланча. Было не сильно холодно, хотя в тени на земле всё ещё виднелся утренний иней, и наставник всё-таки решил сводить их к знаменитому озеру.

Ехали неторопливо. Пётр Анатольевич по пути рассказывал о царской охоте, о животных, которых можно встретить в тайге.

– Поздравляю, Соколов, ты всё-таки приручил эту клячу, – чуть придержав лошадь, поравнялся с ними Шафиров.

– Как ты собираешься править страной, если с обычной скотиной не справился? – к изумлению друзей ляпнул Никола.

Барон сощурился, пристально взирая на юного графа, после чего кинул быстрый взгляд на смутившегося Ивана. Андрей же выглядел абсолютно бесстрастным, делая вид, что интересуется исключительно дорогой.

– Растрепала всё-таки птичка хозяину. Небось, уже и своему папаше всё доложил.

– Ну, во-первых, это только у тебя привычка делать из друзей вассалов, – как ни в чём не бывало отпарировал Николай. – Во-вторых, по твоим замашкам так ты не Россией, а всем

миром править должен. А, в-третьих, не думаю, что отца интересуют чьи-то несбыточные мечтания.

– И почему это ты считаешь мой план несбыточным? – в штыки отреагировал Шафиров, буквально сверля соперника взглядом.

– Так у тебя даже план есть?! – вполне искренне удивился шатен.

Александр замялся, недоверчиво глянув на Соколова. Этот взгляд не укрылся от Николая:

– Да ничего мне Ваня не говорил, но, надеюсь, вечером расскажет, раз у вас с ним какие-то тайны. Хотя, если дело стоящее, я бы ни прочь и сам поучаствовать.

– Даже если бы это касалось свержения власти?

– Я монархист, – пожал плечами граф. – Правда, на твою кандидатуру ставить не буду.

– Это почему же? – во взгляде барона наравне с презрением промелькнуло и любопытство.

Никола помедлил, наслаждаясь своей маленькой победой, после чего нарочито лениво пояснил:

– В тебе нет ни капли императорской крови, – и пришпорил коня.

Когда добрались до озера, Ваня пожалел, что у него нет фотоаппарата. Над ними возвышалась почти отвесная скала с несколькими уступами. Такая высокая, что дух захватывало! А слева, окружённое лесом, искрилось голубизной чистейшее горное озеро!

– Приехали, – объявил наставник, сворачивая с каменистой тропинки и направляя свою лошадь к открытому берегу.

– Теперь ясно, почему сюда зимой не ходят, – спешиваясь, произнёс Никола.

– Ещё бы, – пробурчал оказавшийся рядом Игнат. – Больше часа добирались!

Николай недоумённо посмотрел на него, после чего расплылся в улыбке:

– По-хорошему и за полчаса доскакать можно. Я имел в виду лавины. Думаю, они здесь часто сходят. Посмотри, только с этой стороны ничего не растёт.

– А-а-а, – протянул Ветров, явно не уловив взаимосвязи.

Тем временем старшие ребята уже поправляли сложенное из камней костровище, а Пётр Анатольевич, достав из седельной сумки небольшой топорик и сказав, чтобы остальные шли за дровами, отправился в лес. Недолго думая, первокурсники с удовольствием ринулись исполнять его повеление.

Хворост собрали быстро. В лесу оказалось много сломанных веток и поваленных деревьев, – им даже не пришлось далеко заходить. Вернувшись на поляну, они увидели, что над костровищем уже висит котелок, а старшекурсники всю орудуют перочинными ножами, делая из подходящих веточек шпажки.

Уверенность, что готовить должны женщины, покачнулась, когда Ваня увидел, что всем самолично занимается Пётр Анатольевич. Из всех ему помогал только Внуков. По всей видимости, Антон часто бывал в походах.

Вот костёр принялся и весело затрещал. Анастасия Дмитриевна добавила в закипевшую воду каких-то листьев, привезённых с собой, Внуков мастерски нанизывал мясо на изготовленные товарищами шпажки, наставник резал большими ломтями хлеб. Пока готовились угли для шашлыков, все с удовольствием поджаривали хлеб и пили ароматный чай. Когда котелок вновь наполнили водой, Пётр Анатольевич занялся шашлыками, а студенты рассеялись по поляне, дожидывая хрустящий и пахнущий костром хлеб.

– Класс! – задрал голову, любовался скалкой Андрей.

– Там пещера? – указал Ваня на чернеющее пятно над одним из уступов.

Никола изучающе посмотрел, куда указал друг:

– Скорее всего, – согласился он.

Таких пещер они обнаружили три, после чего переместились ближе к озеру. К сожалению, берег был не песчаным, а каменистым, а вода хоть и прозрачной, но жутко холодной.

– Скорее всего, питается родниками, – задумчиво произнёс Николай, оглядывая дальние берега, где не было видно ни одной впадающей речушки.

– Значит, в нём не поплаваешь, – вынес вердикт Андрей, выбирая плоский камушек и запуская его в воду.

К ним подошла Ангелина и села чуть в отдалении на ствол поваленного дерева у кромки леса. Она достала из висящей через плечо небольшой сумочки книжку и стала читать.

– Подойди к ней, – подтолкнул друга Никола. – Или так и будешь пожирать глазами?

– Что? Неужели так заметно?

– Если честно, да. По крайней мере нам, – заверил его Ваня.

Однако осуществить задуманное Андрей не успел: к Ангелине подошёл барон и стал откровенно заигрывать с нею. Нахмурившись, Андрей отвернулся, сделав вид, что очень заинтересован кружившим в небе коршуном.

– Неужели ты готов так легко сдаться? – подначил Николка, тоже подняв взгляд на парящую птицу.

– Что тут можно сделать? Шафиров явно ей по душе: смотри, как мило щебечут, – кинул он из-под бровей косой взгляд на парочку.

– А, по-моему, это обычная вежливость, – и Никола уверенно направился к подруге детства, не обращая внимания на удивлённо следящих за ним старшекурсников.

Андрей, оставшийся на берегу, недоверчиво наблюдал за другом. А тот, сказав несколько слов девушке и барону, спокойно увёл её от явно недовольного его вмешательством третьекурсника.

– Позволь представить тебе моих друзей, графа Князева и графа Соколова, – чуть поклонившись спутнице, произнёс Никола, когда они подошли достаточно близко.

– Андрей, – пожал протянутую руку брютет.

– Иван, – представился Ваня, просто кивнув отчего-то замешкавшейся Ангелине.

Никола чуть заметно показал головой, неодобрительно посмотрев на Андрея, после чего повернулся к подруге:

– Прошу прощения, дорогая Ангелия, за их манеры, – при этих словах он коснулся губами тыльной стороны её руки. – Но я всё же надеюсь, что ты не откажешься составить нам компанию.

Андрей смутился, осознавая, что должен был поцеловать руку девушке, а не жать. Впервые он так оробел: раньше юноша никогда ничего подобного не испытывал, и запросто знакомился хоть на дискотеке, хоть на улице. Однако Ангелина разительно отличалась от той массы кукол, с которыми он встречался. Она обладала каким-то внутренним светом. Несмотря на полное отсутствие косметики, она не казалась «серой мышкой», а была хрупкой и женственной. Её манеры и какая-то детская непосредственность пленили своей чистотой. Её хотелось защищать, оберегать от всего на свете. В глазах Андрея она была нежный ангелом, по какой-то роковой ошибке оказавшимся на земле.

Вскоре была готова вторая порция чая. Извинившись, Николай с Ваней отправились к костру за ароматным напитком, оставив их с Ангелиной наедине. К облегчению Андрея, впервые не знавшего, с чего начать, девушка заговорила первой:

– Мне бабушка сказала, что вы сами нашли адрес нашей академии.

– Да, с помощью Интернета, – кивнул парень. – Это такая... энциклопедия, где всё есть.

– Я знаю, что такое Интернет, – улыбнулась Ангелия.

– Знаешь?! – удивился Андрей, непроизвольно перейдя на «ты».

Ангелина одарила его насмешливым взглядом:

– Неужели вы, граф, думали...

Их глаза встретились. Андрея поразила глубокая синева её глаз. Лукавые искорки сменились какой-то растерянностью, и девушка поспешно опустила глаза.

– У нас дома есть электричество, – пытаюсь скрасить неловкий момент, проговорила Ангелина. – Отец часто работает на компьютере.

К ним уже возвращались друзья, и разговор пришлось прекратить. Никола широко улыбнулся, подавая одну из чашек Ангелии:

– Надеюсь, мой друг не сильно тебя утомил.

– Ну что ты. Граф был очень мил.

Мил. Это было лучшее из всех похвал! Андрей понимал, что наверняка выглядит глупо, но так и не смог сдержать расплывшуюся по лицу улыбку. Он больше не слышал, о чём говорит Никола с Ангелией, стараясь включить и их с Ваней в ничего не значащую светскую беседу. Ваня время от времени что-то отвечал, пытался задавать девушке вопросы, но явно чувствовал себя несколько скованно. Он же был способен только кивать.

Оклик наставника, громко объявившего о готовности шашлыков, был для Андрея настоящим спасением. Сказав, что возьмёт на всех, чуть не споткнувшись, он быстро направился к моментально столпившимся возле костра старшекурсникам.

– Эй, Князев, – придержал его мрачный Шафиров. – Она будет моей. Понял?

– Согласен, – кивнул Андрей, к которому стремительно возвращалась способность мыслить. – Но только если она сама тебя выберет.

Глаза барона сузились:

– И ты не боишься вставать у меня на пути?

– По-моему, ты сам говорил, что никакие личные мотивы не должны помешать нашему делу. Так что здесь каждый сам за себя.

Шафиров окинул его испепеляющим взглядом, но промолчал. Его однокурсники уже ждали своего лидера с его порцией шашлыка, и барон, потеряв, казалось, к Андрею всякий интерес, направился к ним. Проводив его задумчивым взглядом, Андрей подошёл к наставнику, рядом с которым обедала Анастасия Дмитриевна.

– Нам четыре палочки.

– Прошу.

Взяв шашлыки, он вернулся к друзьям. Через полчаса, затушив ещё дымившиеся угли, наставник приказал седлать лошадей в обратную дорогу. Уже на подъезде к деревне пошёл первый в этом году снег. Хлопьями, густой пеленой, медленно кружащий. Словно зима наконец вспомнила о своих обязанностях и решила укрыть землю своим мягким, воздушным ковром.

Андрей смотрел на ехавшую впереди Ангелину, на медленно падающие и искрящиеся в её волосах снежинки. Давно потерянное ощущение приближающегося Рождества, вера в сказки и чудеса наполняли его сердце. Он не мог вспомнить, когда последний раз был настолько счастлив!

Глава 17. Девочка-ангел

Всю неделю шёл снег. В первые дни он ещё таял, но теперь, похоже, решил лечь основательно. День стал казаться ещё короче. Уже нельзя было после уроков пойти погулять или поведать конюшни, в комнате приходилось сидеть только при свете, и иногда возникало ощущение, что вечер просто невероятно долгий. В начале декабря Игнат обратил внимание, что даже кормить их стали по-другому:

– Послушайте, мне кажется, или нам действительно давно не подавали котлет? – придиричиво рассматривая большой кусок рыбы в тарелке, спросил Ветров, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Так дорогу занесло, в город не выбраться, – пожал плечами Никола. Все недоумённо посмотрели на него.

– То есть, мы здесь застряли? – уточнил Данил. – А я-то всё гадал, почему Евгений Денисович всю неделю в академии...

– О, правда, – Андрей непроизвольно бросил взгляд на преподавательский стол. Информатик сидел на своём месте и пил чай.

– А если запасы закончатся? Мы же помрём с голода, – беспокойно заёрзал Игнат, совсем иначе взглянув на свою тарелку, словно это была последняя порция в его жизни.

Никола снисходительно взглянул на однокурсника:

– Дороги до лета может не быть. Это вполне нормально, так что Прохор наверняка запас провизии на полгода, если не больше. У нас дома отец всегда об этом заботится.

– А если нет? – спросил Данил, в упор глядя на юного графа.

– Да не волнуйтесь вы, баронесса лично всё контролирует.

Игнат глубоко вздохнул:

– Значит, мяска до лета не будет? Даже консерв? – в голосе прозвучали обречённые нотки. Однако эта реплика вызвала искреннее изумление у Николы:

– Почему? Вот пост закончится, и подадут тебе и курицу, и котлеты. А консервы и так нам дают: вчера на ужин были и грибочки, и маринованные огурчики.

– Я имел в виду мясные консервы, в таких железных баночках, – проямлил себе под нос Игнат.

Никола непонимающе оглянулся на друзей, но те лишь махнули рукой. Мол, потом объяснят, о чём толкует Ветров. Зато Андрей обратил внимание на более важную деталь:

– Что ещё за пост?

– Рождественский, – как само собой разумеющееся ответил Никола, и всё-таки пояснил, – до 7 января.

– Ты хочешь сказать, что больше месяца нас собираются кормить ЭТИМ, когда в кладовых полно мяса?! А ничего, что я, например, не хочу его соблюдать? Вообще это дело добровольное.

Остальные согласно закивали. Только один Ваня не отреагировал на его речь, погружённый в себя и о чём-то задумавшийся. Никола выглядел ошарашенным:

– Но нас и так благословили на самое лёгкое воздержание! Повара готовят почти каждый день рыбу, балуют нас разносолами, никак не ограничивают порции. А по выходным даже молоко и сыр едим! Единственное, чего нас лишили, так это яиц и мяса. Неужели так сложно обходиться без них?

– Это ты привык к постам, – резонно рассудил Данил. – Я согласен с Андреем: не правильно, что нас заставляют поститься. А если я вообще атеист?

Никола недоверчиво взглянул на него. Ему были абсолютно не понятны претензии однокурсников. Ведь это пост: дни радости души, дни покаяния и духовного возрождения. Разве можно его не любить? Неожиданно ему на помощь пришёл Ваня:

– Повара всё равно не будут готовить для каждого отдельно. Считайте это небольшой диетой или правильным питанием. Это не принесёт ни пользы, ни вреда. Пост – это не пища, это состояние души. Особое, светлое. Нас не заставляют принимать в нём участие.

Никола с благодарностью кивнул. Данил с Игнатом продолжили обсуждение между собой, явно считая однокурсников по меньшей мере странными. Андрей наклонился к Ивану и полушёпотом спросил:

– Ты что, тоже постишься?

Ваня печально улыбнулся, отрицательно покачал головой и также тихо добавил:

– Катя как-то постилась. Но она ела мясо, зато отказалась от сладкого, не смотрела телевизор, много читала... Она тогда будто светилась изнутри...

Воспоминания о подруге болью сжало его сердце. Как она там? Они никогда не расставались так надолго...

– Значит, до лета мы отсюда не выйдем? – спросил он Николу.

– Не факт, – беззаботно ответил друг. – Дороги чистят. На самом деле я слышал, что Валерий Кондратьевич уже завтра собирается в город уехать, если уборочная техника к утру до нас дойдёт. А так всё зависит только от погоды на перевалах.

– А если кому станет плохо? – уточнил Андрей.

– Феодосия Ивановна, которая у девочек домоводство ведёт, неплохо в травах разбирается, – пожал плечами Николай. – Ну, если что, на лошадях в город отправят.

– Превосходно, – возвёл глаза к небу парень.

Вечером, когда друзья были заняты в комнате его ноутбуком, Андрей решил спуститься в библиотеку и от нечего делать взять что-нибудь почитать. Возвращаясь по лестнице, он заметил, что в кабинете истории горит свет. Это было странно, ведь он прекрасно видел, как пять минут назад баронесса выходила из здания в сопровождении их наставника. Движимый любопытством, юноша заглянул в чуть приоткрытую дверь.

Сердце тревожно и радостно замерло, когда он увидел в пустом кабинете за одной из парт читающую что-то Ангелину. Стараясь не шуметь, он проскользнул в кабинет. Однако девушка, будто почувствовав, что на неё смотрят, обернулась к двери. Тёмно-синие глаза встретились с небесной синевы глазами. Ангелия почувствовала, как щёки заливают румянец, но в этот раз не смогла отвести взора. Они были одни, а эти глаза, напоминающие ей небо перед грозой, приковывали к себе, заставляли её сердце чаще биться. Казалось, прошла вечность, прежде чем она смогла взять себя в руки:

– Добрый вечер, ваше сиятельство, – она чуть улыбнулась, пытаясь скрыть смущение. Обычное, заученное с детства, приветствие, далось ей сейчас с невероятным трудом.

Подобное непривычное обращение отрезвило Андрея:

– Прошу, называйте меня по имени, – он лихорадочно соображал, как объяснить своё беспардонное вторжение. – Я проходил мимо...

– Смотрю, вы тоже любите читать, – обратила Ангелия внимание на книгу в его руках.

– А, да. То есть, это по урокам, – Андрей окончательно запутался и виновато замолчал.

– Нам тоже много читать задают, особенно Людмила Егоровна. Я иногда думаю, что её ничего, кроме литературы, не интересует. Удивительно, где её бабушка вообще нашла: вы же знаете, к нам из города не очень хотят ехать.

– Так она городская? – искренне удивился Андрей, вспоминая представительную даму, которую про себя называл «боярыней Морозовой».

Чувство робости, не покидавшее его в присутствии юной Златовой, чудесным образом испарилось. Он будто очутился в своей стихии, и это придало ему сил. Ангелия тоже почувствовала себя уверенней:

– Она до нашей академии работала в какой-то гимназии. Сначала мы искали литератора среди наших, даже думали, что мама какое-то время поработает, но прямо перед началом учебного года бабушка уговорила Людмилу Егоровну. Самое поразительное, что она специализируется именно на древнерусской литературе, даже печаталась в газетах. Я подумываю в следующем году выбрать журналистику, и она будет моим куратором.

– А я почему-то думал, что ты выберешь искусство.

– Я бы хотела участвовать в судьбе нашей Родины сейчас, а не через сто лет, когда мои картины начнут ценить, – улыбнулась Ангелия.

– Так ты рисуешь?

– Если честно, не очень. Вот Анастасия Дмитриевна восхитительно рисует! Из наших художницей Даша стать хочет. Она, оказывается, художественную школу в городе окончила. Пойдёт к Елене Алексеевне на направление. Кноп собралась к Феодосии Ивановне, будет знаменитым дизайном одежды. А Окунева, держу пари, тоже к Елене Алексеевне, но только на музыку. Видите ли, она хочет выступать на сцене, – насмешливо фыркнула девушка. – Для певицы у неё нет слуха: она может слышать только себя!

Они рассмеялись: обоим было хорошо известно самомнение Светланы. А уж когда на истории баронесса рассказала, что род Окуневых берёт начало от кораблестроителя Гавриила Окунева, жившего где-то в первой половине 18 века... Света даже шарф теперь носила с вышитым собственноручно гербом: на синем фоне крест, лодка в виде серебряного полумесяца, и под нею глаз. А уж как досталось бедной Фаине: даже Андрей не раз слышал, как Окунева разглагольствует о том, что Кноп вообще эмигранты, и что её род на сто лет древнее, и, значит, она выше баронессы по положению.

Возвращение Анны Константиновны было полной неожиданностью. Смех мгновенно прекратился. Андрей так и замер, словно застигнутый на месте преступления. Наставник, поддерживающий директрису под руку, строго окинул его взглядом.

– И что же такого весёлого вы обсуждали, что вас слышно во всём здании, позвольте узнать? – женщина в упор посмотрела на внучку, ожидая пояснений.

Ангелия покраснела и опустила глаза:

– Прости, бабушка. Я знаю, что должна была ждать...

– Это я виноват, ваша светлость, – отважно вмешался Андрей. – Я хотел узнать у вас, сможем ли мы выехать домой на зимние каникулы, а невольно отвлёк от занятия Ангелину. Мы просто обсуждали... как можно ещё добраться до города, – нашёлся юный граф. – И нам показалась забавным...

– Достаточно, – остановила его баронесса. – Пётр Анатольевич, пожалуйста, проводите своего студента до опочивальни и проследите, чтобы граф негде больше не заблудился.

Пётр Анатольевич молча кивнул и, взяв юношу за плечо, вывел его из кабинета. У дверей Андрей кинул последний взгляд на оставшуюся на растерзание бабушке Ангелину.

Отойдя на достаточное расстояние, наставник остановился и чуть насмешливо посмотрел на него:

– Во-первых, следующий раз советую придумывать оправдания заблаговременно. Во-вторых, не забудь повторить обращения к титулованным особам. «Ваша светлость» приличествует лишь князьям и княгиням, а к баронам обращаются «Ваша милость».

Андрей покраснел, поняв, какую глупость, оказывается, сморозил. Лучше бы обратился по имени-отчеству. Ан нет, захотелось блеснуть знаниями на свою голову.

– И, в-третьих, – тем временем продолжил мужчина, – в качестве наказания за неподобающее поведение, три дня, начиная с сегодняшнего, после ужина из комнаты ни ногой. Остава-

ясь с юной Ангелиной наедине, ты подставил под удар её честь. Даже, – поднял он указательный палец, не допуская никаких возражений, – если вы просто разговаривали.

Андрей понуро кивнул, понимая, как сильно отличаются здешние нравы от привычного ему мира, и полностью принимая заслуженное наказание. Пожелав спокойной ночи, наставник ушёл, а юноша ещё долго стоял в коридоре, погружённый в какие-то свои мрачные мысли.

Глава 18. Призраки прошлого

– У меня депрессия, – простонал Андрей, лёжа на кровати, на третий день заточения. Все эти дни Ангелина держалась с ними подчёркнуто холодно.

– А ты попроси у бабушки Златовой разрешения встречаться с Ангелией, – посоветовал Никола, отодвигая от себя ноутбук. За эти месяцы он уже неплохо освоился в этом чуде человеческой мысли, хотя по-прежнему Евгений Денисович занимался с ним исключительно индивидуально.

Андрей слегка приподнялся и задумчиво посмотрел на друга:

– А смысл? Наставник говорил, что разрешения просят у родителей.

Пётр Анатольевич последние два урока рассказывал о традициях знакомства и ухаживания в русских семьях. Тема была интересна всему курсу, однако Андрей подозревал, что выбрана наставником она была из-за него.

– Ну, у Ангелины же здесь родителей нет, – рассудительно заметил Ваня.

– В академии за неё отвечает бабушка, – согласно кивнул Николай.

Андрей несколько минут молчал, потом недоверчиво посмотрел на друзей:

– То есть, вы предлагаете заявиться к самой баронессе Златовой? И что же я ей скажу? «Уважаемая Анна Константиновна, не будете ли вы против, если мы с вашей внучкой будем встречаться?», – с сарказмом закончил юноша, нервно сжимая книгу, которую читал.

– Именно это ты и должен сказать, – к его удивлению спокойно кивнул Никола.

– А если она меня пошлёт? В смысле, откажет.

– Вот тогда и будешь себя терзать.

– Согласен, – как-то отстранённо кивнул Ваня.

До самых выходных Андрей не мог решиться поговорить с баронессой. Ангелия продолжала его избегать, притом он несколько раз видел её в компании Николая. Такая ситуация его угнетала, ведь выходило, что девушка игнорирует только его. Он постоянно напоминал себе, что друг знаком с Ангелиной с детства и вполне естественно, что девушка относится к нему, как к брату.

– Ты ждёшь, пока Шафиров попросит руки юной Златовой? – в субботу после завтрака спросил Николай. – Вот он не будет размениваться по мелочам: сразу потребует руку и сердце. Ему такая женитьба была бы весьма выгодна.

– Но она же ещё... – Андрей похолодел от одной мысли, что его девушка может принадлежать Александру.

– Ей шестнадцать. На Руси выходили замуж и раньше. Тем более их разница в возрасте предпочтительней, чем ваша с ней.

– Мне уже 17, и я граф, – возразил парень, однако в глазах появилось беспокойство.

– Вот только это тебя и спасает, – серьёзно ответил Никола. – Чтоб сегодня же поговорил с Анной Константиновной. А то твоя нерешительность расстраивает Ангелину.

– Моя нерешительность?! – взвился Андрей, но вдруг замолчал и в упор посмотрел на друга. – Ты сказал, что она расстроена. Из-за меня?

– Ты должен сам определить, насколько серьёзны твои намерения, – довольно жёстко сказал Николай. – Ангелия не та девушка, с которой можно поиграть и бросить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.